К 29 1/55 3

ТРЕХСОТЛѢТІЕ

ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

1577 — 1877.

Ко дню юбилейнаго празднованія 3-го Октября 1881 г.

Составилъ С. Писаревъ.

2804/12

Владикавказъ.

1881.

К29 1/55

ТРЕХСОТЛѢТІЕ

ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

1577—1877.

Ко дню юбилейнаго празднованія 3-го Октября 1881 г.

Составилъ С. Писаревъ.

2804/12

Владикавказъ.
Типографія Терскаго Областнаго Правленія.
1881.

Печатано съ разрѣшенія г. Начальника Терской Области.

РѢЧЬ,

сказанная Наказнымъ Атаманомъ Генералъ-Адъютантомъ Свистуновымъ, 3-го Октября 1881 года, въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея Терскаго казачьяго войска.

Товарищи, Терцы! Мнѣ выпалъ завидный жребій сказать вамъ первое слово привѣта въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея вашей службы Государству. Опасаюсь, даже болѣе, увѣренъ, что силы мои окажутся далеко не на высотѣ предстоящей задачи. Жизнь ваша отъ стародавнихъ временъ до знаменательнаго 1877 года, который, завершивъ третій вѣкъ вашего существованія, положилъ къ ногамъ Царя Русскаго твердыни Карса и Эрзерума, составляетъ непрерывный рядъ славныхъ дѣяній, для изображенія которыхъ нужно слово болѣе могучее, чѣмъ доставшееся мнѣ въ удѣлъ. Да къ тому же, что новаго могъ бы я сказать вамъ въ отношеніи событій вашей исторіи? Кто изъ васъ не знает[illegible] кто съ гордостью не передаетъ дѣтямъ и внукамъ, такимъ же [illegible]мъ перешедшія къ нему, сказанія о подвигахъ дѣдовъ и прадѣдовъ? Сказанія о томъ, какъ съ равнинъ низложеннаго княжества Рязанскаго вольными птицами перенеслись предки ваши въ необозримую Терскую степь, гдѣ въ камышахъ и бурунахъ, не [illegible]ая преградъ, гулялъ какъ они сами свободный вѣтеръ пустыни, [illegible]ѣ на востокъ бушевало носившее немногіе вольные паруса море [illegible]спійское, гдѣ на югъ, надъ вѣковыми лѣсами предгорій, высились въ заоблачныя пространства снѣга и утесы гордаго, непо[illegible]ого Кавказа! Кто не знаетъ какъ, отправляя службу Государ[illegible], оберегая Государеву вотчину Кабардинскую, храбро билась [illegible]орсть пришельцевъ съ несмѣтными полчищами Хановъ-Крымскихъ, какъ геройски отстаивала себя отъ набѣговъ Кубанскихъ татаръ и шамхаловъ—всегдашнихъ Царскихъ ослушниковъ; какъ ходили ваши предки въ молодечество на Сине море; какъ, по завѣту великаго преобразователя Россіи, охраняя сообщеніе съ мо-

ремъ выдвинутой къ Сулаку крѣпости, безмолвно гибли они въ камышахъ и болотахъ Астраханскихъ. Какъ, приманкою удалой жизни привольной, притягивало къ себѣ новые элементы и постепенно распространилось войско Терское на Западъ, до Моздока, теченія Малки и Пятигорья. Какъ, вслѣдъ за симъ, вступило оно въ борьбу на жизнь и смерть съ фанатизированною Шамилемъ Чечнею; какъ, буквально упитывая своею кровью и утучняя своими костьми всякій клочекъ земли, по которому должны были пройти коса или плугъ русскаго поселенца, проникли отцы ваши, послѣ ряда грозныхъ битвъ, въ верховья Ассы и Сунжи до самыхъ подножій снѣговыхъ исполиновъ; какъ вы сами, здѣсь присутствующіе, увѣнчали себя безсмертною славою за рубежемъ Дуная и Балканъ, у истоковъ Аракса, Куры и Ефрата, въ дебряхъ и тѣснинахъ Ичкеріи и Аргуна; какъ отпраздновали наконецъ трехсотлѣтнюю годовщину своего зарожденія громкою побѣдою на Аладжинскихъ высотахъ! Для изображенія всего этого, повторяю, нужна кисть художника. Я могу гордиться только тѣмъ, что въ мое управленіе Штабомъ Кавказской Арміи и далѣе въ мое Атаманство началось систематическое собираніе данныхъ, по которымъ достойный васъ историкъ начертаетъ эпопею первыхъ вѣковъ вашей жизни. Позвольте однако товарищи и мнѣ внести свою скромную лепту въ ту сокровищницу самосознанія, которая пріобрѣтается изученіемъ жизни народной.

Привыкнувъ видѣть перстъ Божій во всѣхъ, даже малозначущихъ событіяхъ этой жизни, я вѣрю, что не даромъ именно въ годъ и мѣсяцъ, назначенные для празднованія вашего трехсотлѣтія, судьба привела васъ къ трудноодолимымъ твердынямъ Карса и послѣднимъ убѣжищамъ мятежа въ лѣсахъ Самсирскихъ; что вмѣсто роскошнаго, шумнаго торжества, которое было намъ обѣщано, рядъ печальныхъ событій, повергшихъ въ трауръ Россію, заставилъ и насъ праздновать трехсотлѣтній юбилей лишь въ скромномъ домашнемъ кругу. Вижу въ томъ руку Провидѣнія, вѣщающаго, что въ «не въ пьянствѣ похвальбы безумной», по выраженію поэта—славянина, должны мы встрѣтить этотъ день, что на оборотъ, припомнивъ свое прошедшее и трезво взвѣсивъ настоящее, мы отсюда должны вывести сущность задачъ еще насъ

ожидающихъ и такимъ образомъ «съ душою свѣтлой, многодумной», по выраженію того же поэта, вступить въ 4-й вѣкъ нашего существованія.

И такъ посмотримъ, къ чему привела насъ эта трехвѣковая цѣпь кровавыхъ битвъ, неусыпныхъ тревогъ и тяжкихъ лишеній?

Кавказъ у ногъ русскаго Колосса! Но покоренъ ли этотъ край для русской мысли, русскаго труда? Чего достигли здѣсь мы — русскіе, видящіе свое историческое призваніе въ роли просвѣтителей Востока?

По пути распространенія войска Терскаго пройдемъ мысленно съ Востока на Западъ,—начиная съ дельты Терека, этой колыбели Кавказскаго казачества.

Поэтъ Кавказа, въ чудныхъ строфахъ, изображаетъ дикій и злобный Терекъ, несущій въ даръ Каспію то, что могло бы составить лучшее украшеніе жизни и что между тѣмъ безвозвратно для нея потеряно.—Фантазія поэта, можетъ быть даже внѣ его собственнаго сознанія, наглядно представляетъ воображенію, въ чарующихъ, конкретныхъ формахъ, то самое явленіе міра физическаго, которое во всемъ его объемѣ и значеніи раскрывается уму рядомъ научныхъ изслѣдованій. Неистовый въ верховьяхъ потокъ отрываетъ и несетъ цѣлыя глыбы ила, который, подъ благотворными лучами солнца и при правильномъ орошеніи, могъ бы обратить огромныя пространства земли въ тучныя поля; но который, между тѣмъ, осаждаясь въ самомъ руслѣ тихаго теченія рѣки, постепенно поднимаетъ ея ложе, выводитъ ее изъ береговъ и производитъ затопленія. Такимъ образомъ, обширный раіонъ низовьевъ Терека, который плодородіемъ своимъ могъ бы напомнить историческую житницу древнихъ и обогатить Россію несравненно болѣе, чѣмъ всѣ ея закаспійскія завоеванія, представляетъ собою только бѣдную, обреченную запустѣнію мѣстность. Безплодный солончакъ, песокъ, болото, камышъ—вотъ, такъ сказать, основный фонъ картины, изображающей съ одной стороны погрязшій въ трясинѣ, положительно вымирающій г. Кизляръ, съ другой—населеніе трехвѣковыхъ стражниковъ рубежа русскаго, истощенное болѣзнями, изнемогающее въ безплодной борьбѣ съ роковою силою слѣпой, неразумной стихіи. По есте-

ственному, неотразимому закону природы положеніе дѣлъ съ каждымъ годомъ должно здѣсь ухудшаться, опасность и соотвѣтствующія ей жертвы возрастать, пока не будутъ приняты рѣшительныя, раціональныя мѣры. Для изысканія таковыхъ и приложенія къ дѣлу мѣстныя силы безусловно недостаточны, необходима помощь извнѣ, о ней давно уже взываемъ мы. И не столько матеріальной помощи просимъ, сколько жаждемъ свѣточа знанія, участія людей науки, которые начертали бы твердый путь къ выходу изъ заколдованнаго круга втунѣ расходуемыхъ силъ, указали бы хоть на отдаленномъ небосклонѣ зарю лучшаго будущаго.... Надо надѣяться, что помощь не замедлитъ: въ торжественный нынѣшній день поспѣшимъ набросить покровъ на эту мрачную картину непосильнаго труда, смерти и запустѣнія.....

Пойдемъ далѣе вверхъ по теченію Терека. Надвигающіеся съ сѣвера песчаные буруны шагъ за шагомъ отнимаютъ у земледѣльца его нивы и луга. Остается для культуры только узкая полоса земли, составляющая долину Терека. Но на этой полосѣ является спасеніе въ драгоцѣнномъ соку родительскихъ лозъ виноградныхъ: на него вымѣниваетъ казакъ насущный хлѣбъ свой, на него снаряжается къ службѣ. И здѣсь однако злая доля уноситъ большую половину дара природы. Подъ давленіемъ неотложной, гнетущей нужды урожаи винограда являются запроданными за полгода, за годъ и болѣе до періода сбора ихъ. Скупщикъ наживается въ ущербъ развитію благосостоянія казака.

Не болѣе отрадныя явленія встрѣчаемъ и далѣе, на западъ отъ песчаныхъ буруновъ, въ мѣстности лежащей между слѣдами теченія Кумы и Терекомъ, до сліянія съ нимъ р. Малки. Огромная площадь эта, почти на всемъ ея протяженіи, могла бы быть воздѣлана и дать богатые урожаи. Нужна лишь вода, пока даже не для орошенія, а по крайней мѣрѣ для того, чтобы въ потѣ лица трудящійся земледѣлецъ могъ напиться самъ и напоить свой скотъ. Но и этого благодѣянія лишено здѣсь населеніе. Неумѣло начатые, или неумѣло поддержанные каналы Эристовскій и Курской далеко не соотвѣтствуютъ потребности. Между тѣмъ изысканія произведенныя въ послѣднее время показали, что при раціональномъ веденіи дѣла вода могла бы этими каналами дойти по-

чти до буруновъ и что для удовлетворенія насущныхъ нуждъ требуются даже не особенно большія денежныя затраты. Источники для покрытія ихъ, равно какъ для доставленія винодѣламъ дешеваго кредита, пожалуй и нашлись бы въ войсковомъ капиталѣ, но всего одно правительство исполнить не можетъ; для успѣха дѣла безусловно необходима поддержка самаго общества: его самодѣятельность, солидарность между собою большинства членовъ, ихъ преданность общему интересу. Къ сожалѣнію этихъ-то качествъ мы и не находимъ въ мѣстномъ населеніи; напротивъ, крайнія въ хозяйственномъ дѣлѣ узкость и близорукость взгляда, замкнутость, апатія, неумѣнье сберечь то, что досталось даромъ, или утрата чего немедленно не даетъ себя чувствовать,—считаются, и не безъ основанія, какъ бы наслѣдственными недостатками казачества!

Заглянемъ еще далѣе на Югъ, въ сосѣдство тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ нынѣшній день находимся. Брошенныя по стратегическимъ соображеніямъ въ верховья Ассы, Сунжи и Камбилеевки, станицы не получили надѣла достаточнаго для развитія привычнаго имъ широкаго русскаго хлѣбопашества. Природою и обстоятельствами лѣсопромышленность указана имъ какъ естественное средство къ упроченію благосостоянія. Но для вывоза лѣсныхъ продуктовъ безусловно необходимы дороги. Къ сожалѣнію слишкомъ рано и слишкомъ громко изрѣчено было слово **покореніе**. Правительство отняло свою руку отъ стоившихъ ему сотни тысячъ рублей и тысячи жизней путей сообщенія. Неуспѣвшее окрѣпнуть, малочисленное здѣсь казачье населеніе положительно не въ состояніи ихъ поддерживать, Туземцы, лишь номинально отбывающіе повинность Государственную, къ отправленію повинностей общественныхъ еще не привлечены. Проложенныя по откосамъ горъ дороги глохнутъ и осыпаются. Дабы прочно утвердиться здѣсь станицамъ составляющимъ оплотъ сообщеній нашихъ съ Закавказьемъ, единовременная помощь неотложно необходима. Иначе въ ближайшемъ будущемъ можетъ потребоваться помощь постоянная.

Только что приведенный фактъ о неравномѣрныхъ повинностяхъ туземцевъ и казаковъ даетъ поводъ сказать нѣсколько словъ относительно общаго положенія дѣлъ въ краѣ.

По обоимъ берегамъ Терека и Сунжи, почти на всемъ ихъ

теченіи, стоятъ другъ противъ друга двѣ чуждыя, далеко не слившіяся между собою рассы. Сильно потѣсненный къ горамъ, крѣпко нуждающійся въ пахотѣ и пастбищахъ, туземецъ съ завистью смотритъ на лежащія зачастую въ тунѣ казачьи земли, еще недавно состовлявшія его достояніе. Съ своей стороны казакъ, купившій потоками крови обладаніе краемъ, съ трудно скрываемою досадою и недоумѣніемъ спрашиваетъ, какими же заслугами пріобрѣли горцы право на сохраняемыя за ними привилегіи. Тогда какъ благодушный представитель добраго славянскаго племени только позволяетъ себѣ мечтать о водвореніи покрайней мѣрѣ единоправія,—суровый сынъ Ислама не перестаетъ въ темнотѣ точить кинжалъ для кровныхъ дѣлъ мести и насилія надъ пришлецомъ, захватившимъ его вѣковую собственность. Подъ вліяніемъ тяготы поголовной службы, необходимости безпрерывной охраны отъ сосѣда, неувѣренности даже въ завтрашнемъ днѣ, хозяйство казака если не падаетъ, то и не совершенствуется; тогда какъ пользующійся обильнымъ досугомъ горецъ прилежнымъ трудомъ видимо развиваетъ свое благосостояніе и находитъ еще время для привычныхъ подвиговъ молодечества.

Гордый своими вольностями, онъ хорошо знаетъ на чемъ онѣ держатся, и безъ сомнѣнія не легко поступится не разъ извѣданными средствами ихъ охраны... Развитіе богатства въ средѣ туземнаго населенія казалось бы весьма естественно должно способствовать быстрому смягченію ихъ правовъ; но на дѣлѣ выходитъ иначе: служитъ какъ видно преградою только что очерченное ненормальное отношеніе двухъ рассъ. Не много пособило въ этомъ отношеніи и введеніе въ области, десять лѣтъ тому назадъ, общихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Законъ благотворно вліяетъ тогда, когда онъ опирается на народное сознаніе. Но какое же примѣненіе законъ цивилизованныхъ народовъ можетъ имѣть въ средѣ, гдѣ убійство не внушаетъ ужаса какъ преступленіе, гдѣ извѣстные виды воровства не считаются порокомъ, гдѣ разъясненіе правды на судѣ составляетъ дѣяніе позорящее свидѣтеля на всю жизнь, а собственное сознаніе принимается какъ слабость и малодушіе! Только необычайное напряженіе всѣхъ административныхъ пружинъ, только сохранившееся въ сре-

дѣ горцевъ обаяніе стоящей надъ ними твердой, сильной власти дають еще краю ту, далеко не полную, долю спокойствія, которою онъ пользуется.

Вотъ въ общихъ чертахъ изображеніе условій, въ которые поставлена нынѣ жизнь Терскаго казачества. Неужели же суждено ему изнемочь въ борьбѣ съ окружающимъ внѣшнимъ зломъ, равно какъ и съ гнѣздящимся въ немъ самомъ внутреннимъ недугомъ? Неужели суждено будущему историку славнаго Терскаго войска, на заглавномъ листѣ своего повѣствованія, надписать ужасный девизъ «Serviendo consumor,» которымъ отмѣтилъ современный намъ, уважаемый лѣтописецъ краткій періодъ жизни войска Астраханскаго? Нѣтъ. Не допускаю этой мысли. Знаю что борьба еще неокончена, что предстоятъ еще трудности не малыя; но не сомнѣваюсь, что войско Терское выйдетъ изъ нынѣ лежащаго на пути его испытанія такъ же побѣдоносно, какъ вышло изъ многихъ предшествовавшихъ. Вѣрю въ живучесть нашего казачества и вѣру эту основываю на всей его исторіи. Скажу болѣе,—не думаю, чтобы кто либо имѣлъ право заклеймить рѣзкимъ словомъ осужденія и указанные выше современные его недостатки. Вѣдь недостатки эти составляютъ только натуральный продуктъ тѣхъ условій, изъ которыхъ развилась наша жизнь. Освѣщая ихъ свѣтомъ сознанія, мы тѣмъ самымъ уже становимся на лучшій путь: правильный діагнозъ болѣзни—есть начало ея исцѣленія.

Да пошлетъ же намъ Богъ бодрость и силу духа прежде всего для уврачеванія нашихъ внутреннихъ недуговъ, да поможетъ Онъ намъ достойно завершить наше въ этомъ краѣ призваніе! Въ пороховомъ дыму и кровавыхъ сѣчахъ прошли первые три вѣка нашей жизни; теперь предстоитъ задача можетъ быть еще болѣе трудная, Для разрѣшенія ея сохранимъ стойкость воина, какъ священный завѣтъ предковъ, но не забудемъ и то, что дабы закончить покореніе Кавказа—не менѣе необходимы подвиги мысли и труда. На эти-то подвиги преимущественно призываю благословеніе Божіе!

Четверть вѣка тому назадъ, проникнутый святою, высокою любовью къ отечеству, поэтъ—гражданинъ обратился къ покаявшейся Россіи съ энергическимъ словомъ, глубоко западающимъ

въ душу. Прошу позволенія съ заключительною строфою этого слова обратиться теперь къ собранной здѣсь, подъ священными знаменами доблестной рати Терской:

Иди, свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна: ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

Сомкнемся же, сдвинемся плотнѣе вокругъ дарованной намъ въ этотъ торжественный день святыни; подъ сѣнію ея повергнемъ къ престолу Монарха не только безпредѣльную, вѣковую преданность, нашу жизнь и достояніе, но и задушевныя наши стремленія къ дѣлу умственнаго и нравственнаго усовершенствованія! Да возвеселится сердце Царево не только подвигами неоскудѣвающей казачей доблести на полѣ ратномъ, но и успѣхами нашими на поприщѣ мирнаго преуспѣянія! Соединившись всѣ въ этомъ единодушномъ, завѣтномъ пожеланіи, дружно поднимемъ приготовленную намъ чашу за вѣрность Престолу, славу и благоденствіе роднаго Терскаго казачества, и да огласятся взирающія на него въ теченіи трехъ столѣтій твердыни Кавказа громкимъ, сердечнымъ, несмолкающимъ въ честь его ура!!!.. .

ТРЕХСОТЛѢТІЕ ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

1577—1877 г.

I.

Illacrimabiles
Urgentur ignotique longa
Nocte, carent duca vate sacro.

(На ихъ неоплаканныхъ и невѣдомыхъ могилахъ тяжело лежитъ долгая ночь, потому что имъ не достаетъ вдохновеннаго пѣвца. *)

Въ 1874 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о старшинствѣ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ и входящихъ въ составъ ихъ полковъ. Старшинство Терскому войску назначено по Кизляро-Гребенскому полку съ 1577 года, когда построенъ былъ по повелѣнію Царя Іоанна IV воеводою Лукьяномъ Новосильцевымъ на р. Терекѣ, близь устья Сунжи, городъ Терки, при которомъ Гребенскіе казаки «начали держать отъѣзжіе караулы и отправлять другія службы Царскія». По установленіи такимъ образомъ начала существованія Терскаго войска, возникло предположеніе ознаменовать 300-лѣтнюю годовщину сказаннаго событія подобающимъ юбилейнымъ празднованіемъ; но, вслѣдствіе наступившей войны съ Турціей, предположеніе это не могло осуществиться. Юбилейный годъ засталъ казаковъ поголовно ополченными, при исполненіи вѣковаго ихъ призванія «потянуть по землѣ Русской», стать въ защиту православнаго христіанства.

Терскія казачьи станицы выставили въ то время на боевую службу весь свой служилый составъ, простирающійся до 11/т.

*) Россія. Соч. Мекензи Уоллэса. Перев. съ англійскаго. Спб. изд. Бакста. 1881 г. Т. II. Гл. 23, казаки, стр. 96.

человѣкъ, изъ котораго Гвардейскій эскадронъ и полкъ Владикавказскій подвизались въ Дунайской арміи; семь полковъ и одна конно-артиллерійская батарея—въ Азіатской Турціи; остальнымъ же выпало на долю отстаивать собственный край отъ пробудившагося фанатизма мусульманства и, съ Наказнымъ Атаманомъ во главѣ, подавить не впору вспыхнувшее въ горахъ возстаніе.

Война окончилась. На ряду съ другими перенесли казаки ея тягости, потрудились во славу русскаго оружія и, осчастливленные Царскими милостями, возвратились на родину къ обычному своему призванію: быть гражданами и воинами въ виду твердынь Кавказскихъ.

Возвращавшіяся части удостоились на пути своемъ смотра и благодарности Верховнаго Вождя русскихъ силъ или Августѣйшихъ Главнокомандующихъ какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрахъ войны. Что до этого послѣдняго, то тотчасъ же по выходѣ изъ Дарьяльской тѣснины, бойцовъ нашихъ ласкалъ уже воздухъ родныхъ полей, привѣтствовалъ войсковой городъ, а потомъ —

„Вотъ они ужъ близь станицы
Ѣдутъ, скачутъ и поютъ;
Жены, старцы и дѣвицы
Всѣ на встрѣчу къ нимъ бѣгутъ“...

какъ гласитъ казачья пѣсня, сложившаяся на передовой линіи во время достопамятныхъ побѣжекъ на тревогу.

Въ теченіи войны казаки достославно оправдали присущее имъ значеніе «недремлющаго ока русской арміи». Остававшееся на Терекѣ населеніе чутко слѣдило за ходомъ войны, прислушиваясь къ вѣстямъ съ обоихъ ея театровъ, и вотъ какого рода были свѣдѣнія, своевременно объявленныя въ приказахъ по войску:

Въ собственно-ручномъ письмѣ къ Его Высочеству Главнокомандующему Кавказскою арміею отъ 10 октября 1877 года, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ выразить: « Кубанцами и Терцами не могу Я достаточно нахвалиться Вотъ уже болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, что они Меня оберегаютъ и днемъ и ночью, и не оставляютъ Меня ни на шагъ, оказывая всевозможныя услуги Мнѣ лично и всей Моей главной квартирѣ».

Въ сентябрѣ 1877 года Главнокомандующій Дунайской арміей

телеграфировалъ Августѣйшему своему брату: «Съ разрѣшенія ГОСУДАРЯ пишу тебѣ просьбу выслать на пополненіе Владикавказцевъ 100 человѣкъ съ лошадьми. Служили казаки великолѣпно, поддержали славу Кавказцевъ».

Наконецъ, въ предполагавшійся день празднованія юбилея въ томъ же 1877 году, Его Высочество Главнокомандующій Кавказской арміей удостоилъ Наказнаго Атамана слѣдующей телеграммой: «Поздравляю Терское войско съ 300-лѣтнимъ юбилеемъ его славной службы Престолу и Отечеству. Кавказская армія всегда гордилась заслугами и подвигами своихъ ратныхъ товарищей Терцевъ и въ настоящую компанію сыны Терека и Сунжи не разъ уже показали себя достойными своей трехвѣковой славы». На это лестное поздравленіе Наказный Атаманъ отвѣчалъ: «Почтительнѣйше приношу Вашему Императорскому Высочеству глубокую благодарность отъ лица Терскаго войска, сыны котораго и въ предѣлахъ Области ведутъ себя истинными героями, составляя гордость и удивленіе своихъ ратныхъ товарищей».

Лучшей иллюстраціей къ этому краткому воспоминанію о перечувствованномъ въ ту годину въ Терскихъ куреняхъ и на рабочихъ поляхъ станичныхъ, убиравшихся руками отцовъ-стариковъ и одинокихъ женъ, будетъ помѣщаемый ниже (въ приложеніи) списокъ главнѣйшихъ наградъ, кои удостоились получить войсковыя части въ теченіи своей службы. Сверхъ того знаки особаго Монаршаго благоволенія неоднократно оказаны были Лейбъ-Гвардіи Терскому казачьему эскадрону, и какъ онъ изображаетъ собой стражу и представительство предъ священной особой ГОСУДАРЯ отъ всего войсковаго населенія, то о нихъ въ то же время объявлялось въ приказахъ по войску.

И такъ, юбилейный 1877 годъ былъ для казаковъ такимъ же тяжелымъ годомъ войны, хотя въ то же время и годомъ блестящей славы, какъ и прожитыя ими 300 лѣтъ со времени водворенія и начала службы ихъ предковъ на Терекѣ. Столь славному и продолжительному прошедшему надлежало однако же воздать подобающую честь, хотя уже по окончаніи войны. Войско дѣйствительно готовилось, согласно Высочайшей волѣ, совершить свой юбилейный праздникъ въ настоящемъ году, но жестокія испы-

танія, постигшія Отечество наше, повергли его въ трауръ,— и всѣ сердца вѣками испытаннаго въ Монархической вѣрности казачьяго населенія слились въ одно чувство невыразимой скорби, прониклись одной молитвой, «да хранитъ Господь Царя и Царство».

Къ утѣшенію своему, 30 августа настоящаго года, войско удостоено слѣдующей Высочайшей грамотой нынѣ благополучно Царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА:

«Нашему вѣрноподданному Терскому казачьему войску.

«Въ 1877 году исполнилось трехсотъ-лѣтіе доблестнаго служенія Престолу и Отечеству Терскаго казачьяго войска, получившаго свое начало въ 1577 году, когда, по повелѣнію Царя Іоанна IV, былъ построенъ на Терекѣ воеводою Лукьяномъ Новосильцевымъ, укрѣпленный городъ Терки; при чемъ Терскіе казаки, называвшіеся также Гребенскими, ознаменовали себя первою блистательною побѣдою надъ полчищами Крымскаго хана. Съ того времени казаки эти, подъ наименованіемъ: Гребенскихъ, Терскихъ, Кизлярскихъ, Семейныхъ и Кавказскихъ линейныхъ, были постоянными участниками въ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Кавказскихъ горцевъ и въ то же время, составляя изъ себя пограничную боевую силу государства, служили надежнымъ оплотомъ отъ набѣговъ непріятеля водворявшемуся на Кавказѣ мирному русскому населенію. Благодаря могучей ихъ охранѣ, возникли между казачьими станицами города, достигшіе нынѣ цвѣтущаго состоянія.—Въ войнахъ нашихъ съ Турціею и Персіею участіе Терскихъ казаковъ сопровождалось тѣмъ же непоколебимымъ мужествомъ, тою же безпредѣльною храбростію и тѣмъ же неистощимымъ терпѣніемъ въ перенесеніи боевыхъ трудовъ и лишеній, какія оказали они въ многолѣтней Кавказской войнѣ. Пожалованыя Нашими Предками знамена и прочіе знаки военнаго отличія свидѣтельствуютъ о всегдашней неизмѣнной преданности ихъ Престолу и Отечеству.

«Блаженной памяти Августѣйшій родитель Нашъ, въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія за столь доблестную трехвѣковую службу Терскаго казачьяго войска Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему, въ 1877 году, Георгіевское знамя съ Александровскою лентою и съ надписями: вокругъ знамени— «въ память трехсотлѣтняго существованія Терскаго казачьяго вой-

ска» и подъ орломъ «1577—1877». Препровождая нынѣ таковое знамя, повелѣваемъ, освятивъ оное по установленію, пріобщить къ войсковымъ регаліямъ.

«Да свидѣтельствуетъ священная хоругвь сія потомству Терскихъ казаковъ, о славѣ и доблести ихъ предковъ и о неизмѣнномъ Нашемъ къ нимъ благоволеніи.

«Пребывая за симъ къ Терскому казачьему войску Нашею Императорскою милостію благосклонны, Мы вполнѣ увѣрены, что и впредь оно будетъ готово явиться всюду, куда польза Отечества укажетъ, и всегда сохранитъ за собою почетное мѣсто въ рядахъ Нашего воинства.»

Ободренные столь лестною для войска Высочайшею милостію и Царственнымъ призывомъ, Терцы спѣшатъ нынѣ собраться подъ сѣнь священной хоругви въ традиціонный войсковой кругъ—символъ дружества и взаимной поддержки, и скромнымъ военнымъ торжествомъ при освященіи пожалованныхъ за минувшую войну и въ память 300-лѣтняго существованія регалій, почтить эпоху, вызывавшую юбилейное празднованіе.

Этотъ домашній военный праздникъ назначенъ въ день 3-го октября, годовщину славнаго дня Кавказской арміи Аладжинскаго боя, въ которомъ и Терскіе полки принимали доблестное участіе. Какъ ни скромно это празднованіе, но являясь на рубежѣ трехъ исполнившихся столѣтій, ознаменованныхъ самоотверженными усиліями первыхъ русскихъ колонизаторовъ Кавказа и богатыхъ событіями, такъ широко раздвинувшими предѣлы русской государственной области,—оно заслуживаетъ вниманія соотечественниковъ. Думаемъ, что не только всѣ участники праздника, всѣ обитатели мѣстностей, гдѣ выдающимся географическимъ терминомъ является рѣка Терекъ, но и далеко стоящіе просвѣщенные люди выскажутъ въ настоящемъ случаѣ вопросъ: кто же такіе были эти первые колонизаторы Кавказа, какими судьбами сопровождалась ихъ трехвѣковая украинная жизнь, какъ сложилось Терское казачье войско?

Благодаря историческимъ и статистическимъ трудамъ, предпринятымъ въ послѣднее время, мы имѣемъ возможность не оставить безъ отвѣта этотъ вопросъ.

Въ 1875 году Наказнымъ Атаманомъ войска назначенъ былъ Генералъ-Адъютантъ Александръ Павловичъ Свистуновъ. Будучи раньше Начальникомъ Штаба и затѣмъ Помощникомъ своего предшественника, Графа Лорисъ-Меликова, онъ тогда еще непосредственно познакомился съ формальною и будничною сторонами жизни Терскаго казачества, изучилъ историческую его роль и значеніе. Это знакомство и изученіе, какъ однажды лично высказался Александръ Павловичъ, обнаружили предъ нимъ всю грандіозность трудовъ и лишеній, пережитыхъ казачьимъ населеніемъ за послѣдніе только годы столь памятной борьбы съ фанатическими полчищами Шамиля. Не ускользнули также отъ его вниманія вся неурядливость и истощенность экономическихъ силъ, какъ результатъ долго и безпрерывно обуревавшихъ этотъ край боевыхъ тревогъ и походовъ. Призванный, наконецъ, на постъ Начальника Терскаго войска, онъ поставилъ себѣ первѣйшей обязанностью, путемъ историческихъ изслѣдованій и статистическихъ описаній современнаго быта, объяснить предъ читающей Россіей смыслъ и значеніе прошедшаго и дать вѣрную картину настоящаго положенія казачьяго населенія, его нуждъ и задатковъ на лучшее будущее. Цѣль эта отчасти достигнута: съ 1876 года систематически изслѣдованы 12 наиболѣе типичныхъ станицъ, о которыхъ изданъ уже объемистый томъ «статистическихъ монографій», а затѣмъ обработывается подготовленный матеріалъ для будущаго описанія современнаго положенія войска. Все это относительно настоящаго, современнаго; что же относится до прошедшаго и давно-прошедшаго Терскихъ казаковъ, то изслѣдованія по этой части принялъ на себя почтенный ветеранъ Кавказскаго казачества, многимъ изъ насъ извѣстный изыскатель Кавказскихъ архивовъ, Генералъ-Лейтенантъ Иванъ Діомидовичъ Попко. Объ успѣхѣ обширнаго труда его мы имѣемъ уже первое свидѣтельство, о которомъ скажемъ ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что тѣ же обстоятельства, которыя отдалили юбилейное празднованіе Терцевъ до настоящей минуты, вліяли и на ходъ историческаго труда ихъ почтеннаго бытописателя. Задавшись, по приглашенію Наказнаго Атамана въ 1876 году, составленіемъ исторіи Терскаго войска, онъ горячо принялся за дѣло. Предположенія его, какъ

видно изъ конспекта тогда же имъ выработаннаго, отличались широтою взгляда и увѣренностью, которую внушала ему, доставшаяся тяжелымъ трудомъ, значительная подготовка архивныхъ матеріаловъ и другихъ добытыхъ имъ историческихъ памятниковъ, въ томъ числѣ и мѣстныхъ преданій. Дѣйствительно, при посѣщеніи тогда Ивана Діомидовича, мы видѣли какъ всѣ углы его жилища, даже ступени одной изъ входныхъ лѣстницъ, были уставлены тысячью дѣлъ, лично отобранныхъ имъ изъ центральнаго военнаго архива въ Ставрополѣ и даже отрытыхъ въ одномъ изъ пороховыхъ погребовъ давно упраздненной крѣпости Св. Димитрія на Дону. Эти груды запыленныхъ, излежавшихся, частью полуистлѣвшихъ рукописей терпѣливо были просмотрѣны, вписаны въ особо составленныя систематическія описи, сопоставлены съ многочисленными, преимущественно старыми томами полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи, актами Кавказской и другихъ археографическихъ коммисій и разными печатными источниками. Указывая на эти массы дѣлъ и подготовленнаго труда, Иванъ Діомидовичъ замѣтно торжествовалъ, предчувствуя успѣшное увѣнчаніе его; но, въ такомъ торжественномъ настроеніи, онъ неожиданно получилъ, въ концѣ 1876 года, повелѣніе отъ Августѣйшаго Главнокомандующаго Кавказскою Арміею прибыть на знакомую ему Кавказско-Турецкую границу и выступить, по памятнымъ для насъ словамъ его, «вмѣсто символической въ реальную компанію съ пороховымъ дымомъ и съ меджилисами турецкихъ казъ», а въ добавокъ, прибавимъ мы, съ чрезвычайными снѣгами, морозами и тифами. По необходимости, подобранныя имъ полчища историческихъ матеріаловъ обратились вспять: что было набрано изъ архивовъ, ушло въ прежній архивный хаосъ, что взято изъ библіотекъ и присутственныхъ мѣстъ — возвращено по принадлежности, а личныя замѣтки и записки брошены на произволъ судьбы, ибо не много еще у насъ людей, которые придавали бы большую цѣну пожиткамъ подобнаго рода, оставляемымъ человѣкомъ, идущимъ на войну. Но не ему, конечно, достойному потомку древнѣйшихъ изъ русскихъ порубежниковъ, ставшихъ за крестъ и вѣру православную, сожалѣть было о такомъ перерывѣ. По природѣ своей онъ могъ только утѣшаться всякой жертвой, принесенной исполненію

святаго долга военнаго человѣка. Отбывъ съ честью возлагавшіяся на него въ теченіи компаніи тяжелыя обязанности, сперва, по военно-административному устройству шагъ за шагомъ занимаемой войсками нашими непріятельской территоріи, а затѣмъ въ должности военнаго губернатора Карской области, измученный и усталый отъ трудовъ и трагическихъ впечатлѣній войны, возвратился къ намъ Иванъ Діомидовичъ въ 1878 году. При видѣ его, невольно закрадывалось опасеніе за судьбу нашей исторіи; но самоотверженный трудолюбецъ скоро оправился и вновь принялся горячо за дѣло, удѣляя ему всякую свободную отъ служебныхъ обязанностей минуту.

Плодомъ такого устойчиваго трудолюбія явилась, наконецъ, въ свѣтъ изданная имъ въ сентябрѣ прошлаго года книга «Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ, выпускъ первый: Гребенское войско». *) Это-то почтенное изданіе мы и рекомендуемъ людямъ, желающимъ знать—откуда взялось и какъ образовалось нынѣшнее Терское казачье войско. Съ своей же стороны, будучи обнадежены, что нашъ Кавказскій исторіографъ не замедлитъ подарить насъ и послѣдующими выпусками, мы считаемъ умѣстнымъ въ день настоящаго праздника воспроизвести здѣсь предпосланный авторомъ «Терскихъ казаковъ», вступительный очеркъ трехвѣковой ихъ жизни.

Сдѣлать это мы сочли тѣмъ большею необходимостью, что по всей вѣроятности у многихъ изъ присутствующихъ при освященіи войсковаго юбилейнаго знамени родятся воспоминанія о былomъ пережитомъ—и своемъ, и отцовскомъ, и дѣдовскомъ,—ибо всякій живой человѣкъ старается уяснить себѣ проходящія предъ нимъ явленія, а воспоминанія вообще свойственны людской природѣ. Богъ, создавшій человѣка, вдунулъ въ него душу безсмертную, давъ способность помнить и изучать прошедшее и, почерпая въ немъ лучшіе примѣры, вѣрить и надѣяться на будущее.

*) Книга эта находится въ Книжномъ Складѣ Россійской Библіографіи Эмиля Гартье, въ С.-Петербургѣ, Невск. Просп. № 27, и во Владикавказѣ, въ Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи.

II.

ОЧЕРКЪ ТРЕХВѢКОВОЙ ЖИЗНИ ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ смиреннымъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ, и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ рѣчи гр. Соллогуба, привѣтствовавшаго назначеніе на Кавказъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича въ 1863 году.)

Терское казачье войско, долговременными трудами и жертвами, подготовило образованіе нынѣшней Терской области и, въ настоящее время, составляетъ основу ея русскаго населенія. Населеніе Терскаго войска, издревле обязанное воинской повинностью, выставляетъ на службу въ обыкновенное время: одинъ гвардейскій эскадронъ собственнаго Е. И. В конвоя, двѣ конно-артиллерійскія батареи и пять конныхъ полковъ. Полки имѣютъ тройной личный составъ, такъ что въ военное время каждый полковой округъ, вмѣсто одного, высылаетъ на боевую службу три, а всѣ пять округовъ—пятнадцать полковъ. Полкамъ принадлежатъ имена: Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій, Владикавказскій и Сунжинскій. Кизляро-Гребенской именуется полкомъ наслѣднаго великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго. Шефомъ Сунжинскаго полка состоитъ бывшій наказный атаманъ Терскаго войска, генералъ-адъютантъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Съ каждымъ изъ полковыхъ именъ соединяется своя исторія, болѣе или менѣе давняя, исторія русской колонизаціи и водворенія русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ, начиная съ той части его, гдѣ выдающимся географическимъ терминомъ является рѣка Терекъ.

*

Знакомство русскихъ людей съ Терекомъ началось еще въ XIV вѣкѣ. Первые проникали сюда съ Волги, варяжскимъ обычаемъ, новгородскіе повольники или ушкуйники, то есть охотники за сѣвернымъ медвѣдемъ—ушкуемъ и плаватели въ ладьяхъ, называвшихся тѣмъ же именемъ. Своевольство новгородцевъ, говоритъ Карамзинъ, возбуждало негодованіе великаго князя Димитрія Іоанновича: многіе изъ нихъ составляли цѣлые полки и ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя, между прочимъ и внизъ по Волгѣ, украшая разбои именемъ молодечества*). За новгородскими повольниками пускались въ тоже молодечество по Дону и Волгѣ и рязанскіе казаки, населявшіе придонскую волость Червленный-Яръ, гдѣ служили они украинной стражей Рязанскому княжеству. Великій князь Московскій Іоаннъ III гнѣвался на молодечество рязанскихъ казаковъ и грозилъ имъ наказаніемъ. Въ 1520 годахъ послѣдовало присоединеніе Рязанскаго княжества къ московской державѣ. По обычаю собиранія земли русской, менѣе сговорчивымъ жителямъ княжества предстояло принудительное выселеніе въ предѣлы суздальскіе. Скорѣе другихъ ожидали этой участи казаки Червленаго-Яра, а особенно тѣ изъ нихъ, которые чаще водились съ ушкуйниками и имѣли больше причинъ страшиться немилости московской власти. Во второй четверти XVI вѣка казаки эти, подбитые коноводами ушкуйниками, поднялись большой станицей (отрядомъ), посадились въ струги съ семьями и животами и выплыли весеннимъ половодьемъ въ Донъ, откуда по Камышенкѣ, переволоклись на Волгу и пустились не незнакомымъ, конечно, путемъ къ недосягаемому никакой московской погоней убѣжищу—устьямъ Терека. Въ этомъ глухомъ углу восточнаго Кавказа существовало полу-торговое, полуразбойничье мѣстечко Темепъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что удалая станица Червленаго-Яра направлялась къ этому притону, но никакое преданіе не объясняетъ, по какимъ обстоятельствамъ она тамъ не осѣла, а двинулась вверхъ по Тереку къ пятигорскимъ черкасамъ (кабардинцамъ), вступила въ тѣсный союзъ съ ними, и съ ихъ помощью, поселилась у гребней или предгорій Кавказскаго хребта, при впаденіи Аргуна въ Сунжу. Пятигорскіе черкасы, отстаивая

*) Ист. Госуд. Росс. Карамзина. Изд. пятое, 1842 г. Кн. II, Т. V.

свою независимость противъ крымскихъ хановъ и дагестанскихъ шамхаловъ, искали покровительства московской державы и въ 1555 году, чрезъ большое посольство били челомъ царю Іоанну Васильевичу Грозному о принятіи ихъ въ русское подданство. Съ тѣмъ же посольствомъ приходили къ царю съ повинной и атаманы русскихъ казаковъ, поселившихся въ союзѣ съ пятигорскими черкасами на Сунжѣ. Преданіе свидѣтельствуетъ, что царь Іоаннъ Грозный не только простилъ казакамъ ихъ побѣгъ съ Червленаго-Яра, но еще подарилъ ихъ рѣкою вольною Терекомъ, велѣвъ имъ служить свою службу государскую, беречи свою вотчину кабардинскую. Съ того времени первые русскіе поселенцы на Кавказѣ дѣлаются исторически извѣстными подъ именемъ Гребенскихъ, то есть горныхъ казаковъ. Для утвержденія царской власти въ пятигорскихъ черкасахъ, въ 1567 году, была поставлена на лѣвомъ берегу Терека, противъ устья Сунжи, русская крѣпость, названная Терскимъ городомъ или Теркомъ. При этомъ городѣ гребенскіе казаки начали отбывать дѣйствительную службу государству, заключавшуюся въ объѣздахъ, заставахъ, ближнихъ и дальнихъ посылкахъ, въ охраненіи переправъ и въ походахъ на кабардинскаго недруга шамхала съ царскими войсками. Въ скоромъ времени, со стороны крымскаго хана и турецкаго султана послышались жалобы на утѣснительныя дѣйствія казаковъ, загораживавшихъ «черкасскую дорогу». Жалобы оканчивались требованіемъ русскій городъ, поставленный въ кабардинской землѣ, снести и «черкасскую дорогу отпереть». Въ 1571 году Терскій городъ «у усть-Сунчи рѣки» былъ оставленъ царскими войсками къ великому огорченію кабардинскихъ князей, а особенно родичей тестя государева Темрюка, удѣлъ котораго примыкалъ къ городу. По ихъ настоянію, въ упраздненной русской крѣпости засѣли гребенскіе казаки, въ подмогу которымъ тѣ же кабардинскіе князья, при содѣйствіи астраханскихъ воеводъ, призвали еще большую станицу вольныхъ казаковъ съ Волги. Жалобы отъ крымцевъ и турокъ возобновились, но московское правительство, искренно или такъ себѣ, отвѣчало, что въ брошенномъ Терскомъ городѣ самовольно засѣли «воры, волжскіе казаки, которые государя не слушаютъ,—хоть бы вы ихъ всѣхъ побили, намъ стоять

за нихъ не для чего». Шамхалъ и хотѣлъ это сдѣлать, нападая не разъ на городъ, но казаки храбро отбивались и не прежде покинули это укрѣпленное мѣсто, какъ когда былъ построенъ новый царскій городъ, болѣе долговѣчный благодаря тому, что Каспійское море и Астрахань служили ему надежною базою. Этотъ новый городъ былъ возведенъ въ 1588 году въ устьѣ Терека, близъ морскаго берега, и въ немъ учреждено воеводство, зависимое отъ астраханскаго. Ему дано было тоже названіе Теркъ, видоизмѣняемое нерѣдко въ Терку и въ Терки; старый же городъ, брошенный уже и казаками, писался послѣ того Суншинскимъ Городищемъ. Волжскіе казаки, по оставленіи этого мѣста, присоединились въ большинствѣ къ гребенскимъ казакамъ и значительно усилили населеніе ихъ городковъ у сунжинскихъ гребней.

Городки эти, называвшіеся также казачьими острожками, были передовыми постами терскаго воеводства. Что посты эти несли полезную службу, показываетъ сохранившаяся отписка воеводъ въ Москву: «если казаковъ по Терку и въ Гребеняхъ не будетъ, и Терскому городу будетъ большая тѣснота». Казаки держались въ своихъ гребняхъ благодаря поддержкѣ князей нижней или малой Кабарды, землю которыхъ они прикрывали, и пріятельскимъ связямъ съ маловоинственными и немусульманскими тогда сосѣдними чеченскими обществами, изъ которыхъ брали даже себѣ женъ. Но къ исходу XVII столѣтія отношенія добраго сосѣдства измѣнились такъ невыгодно для казаковъ, что они должны были перенести свои городки къ Тереку и водворились въ треугольникѣ, образуемомъ правымъ берегомъ этой рѣки и послѣднимъ, параллельнымъ почти, теченіемъ впадающей въ нее Сунжи. Здѣсь прожили они лѣтъ тридцать, пока казанскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не перезвалъ ихъ на лѣвую сторону Терека, на которой стоялъ и городъ Теркъ. Въ 1711 году, когда царь Петръ двигался къ Пруту, графъ Апраксинъ дѣлалъ походъ изъ Терка противъ кубанскихъ татаръ и сильно погромилъ ихъ съ помощью кабардинцевъ и гребенскихъ казаковъ. Ознакомившись съ тѣми и другими, какъ превосходными наѣздниками и стрѣлками, онъ уговорилъ послѣднихъ перейти на лѣвый берегъ Терека и образовать своими городками линію, которая послужила бы

связью между нижнею Кабардою и городомъ Теркомъ. Въ слѣдующемъ 1712 году казаки перебрались на указанную мѣстность и заняли ее пятью городками, расположивъ ихъ въ линію по берегу рѣки, въ томъ порядкѣ, какъ существуютъ они донынѣ. Съ этого времени гребенское войско выставляло на службу не менѣе тысячи казаковъ, изъ коихъ половина состояла на хлѣбномъ и денежномъ жалованьи и ходила въ походы по требованіямъ правительства, а остальная половина оставалась при оборонѣ своихъ городковъ и служила «съ воды да съ травы», то есть безъ всякаго содержанія отъ правительства. Изъ дальнихъ командировокъ по распоряженію правительства можно упомянуть о несчастномъ походѣ князя Бековича-Черкасскаго, въ 1717 году, въ хивинское ханство, гдѣ пятьсотъ гребенскихъ атамановъ и казаковъ, въ числѣ другихъ войскъ, были вѣроломно истреблены или обращены въ вѣчное рабство. Такая чувствительная потеря скоро однако пополнилась «гулящими людьми», для которыхъ никогда не запиралась крѣпко дверь въ стародавнихъ казачествахъ. Къ ермоловскому времени въ строевомъ составѣ гребенскаго войска, состоявшемъ на жалованьѣ, числилось уже до тысячи человѣкъ. Съ такимъ служилымъ контингентомъ самостоятельное войско гребенское, въ 1832 году, переименовано было въ полкъ и включено въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска. Здѣсь мы его оставимъ и перейдемъ къ судьбамъ другаго, тоже стародавняго, но не имѣвшаго такой же живучести военнаго братства.

Выше было упомянуто, что вольные казаки, ходившіе въ варяжское молодечество на Волгу, рано узнали дорогу къ устьямъ Терека. Здѣсь находили они превосходныя зимнія стоянки и обильныя угодья для рыболовнаго и охотничьяго промысловъ, которыми вольное казачество кормилось въ героическій періодъ своего существованія. Сюда же укрывались они и отъ преслѣдованій царскихъ ратей, очищавшихъ Волгу отъ разбоевъ. Въ развѣтвленіяхъ послѣдняго теченія Терека терялась черта, разграничивавшая шамхальскія и кабардинскія владѣнія, и въ эту приморскую мѣстность стекались разные выходцы изъ нижней и верхней Кабарды, изъ Кумыкъ, Мечкизовъ (чеченцевъ), изъ большихъ и малыхъ Ногаевъ и даже кубанскихъ Адыговъ (черкасъ). Все это были люди того же

ошиба, что и русскіе вольные казаки, а потому послѣдніе легко съ ними якшались и уживались. Когда-то эта приморская мѣстность или извѣстная часть ея населена была кумыками, народомъ болѣе другихъ промышленнымъ, и причислялась къ владѣніямъ шамхаловъ Тарковскихъ, но въ эпоху построенія русскими втораго (приморскаго) города Терка здѣсь встрѣчается мѣстечко Теменъ, въ которомъ хозяйничаетъ одинъ изъ родичей Темрюка, тестя государева, князь Джанклишъ (по московскимъ документамъ Янглычъ). Этотъ нижне-кабардинскій князь, маститый старецъ, пріѣзжалъ въ Москву въ 1557 году и билъ челомъ Іоанну Васильевичу IV о принятіи его въ русское подданство съ сыномъ Сунчалеемъ и со всѣмъ теменскимъ владѣніемъ. Въ этомъ-то владѣніи и былъ поставленъ второй городъ Теркъ. А когда Суншино Городище было брошено сидѣвшими въ немъ казаками, младшій братъ Темрюка Мамсрюкъ Идаруко, жившій около Городища, перешелъ на житье въ новый русскій городъ и привелъ съ собою станицу волжскихъ казаковъ, не пожелавшихъ водвориться въ гребенскихъ городкахъ. Станица эта примкнула къ товариществу такихъ же волжскихъ казаковъ, основавшихся въ теменскомъ захолустьи незадолго до построенія здѣсь царскаго города и послужившихъ, какъ это часто бывало, пролагателями пути къ разширенію до этихъ дальнихъ береговъ русской государственной области.

Русская исторія записала, что три атамана волжскихъ казаковъ, навлекшихъ на себя царскую опалу, въ 1579 году, совѣщались въ низовьи Волги, куда имъ укрыться отъ царскаго гнѣва. Старшій, Ермакъ Тимофѣевичъ потянулъ на сѣверъ къ имѣнитымъ людямъ Строгановымъ и сдѣлался завоевателемъ царства Сибирскаго. Остальное казачество выплыло въ море и, разбившись на два товарищества, направилось — меньшинство къ Яику, большинство къ Тереку, въ глухое приволье теменскаго владѣнія. Здѣсь русскіе казаки сошлись съ подобными имъ кабардинскими и кумыцкими сходцами и, при впаденіи одного изъ рукавовъ Терека въ море, построили крѣпкій городокъ съ пристанью. Городокъ этотъ имѣлъ обширный окопъ въ видѣ треугольника, почему и назывался Трехстѣннымъ. Когда царскіе воеводы прибыли изъ Астрахани въ теменское владѣніе для сооруженія втораго Терка,

казаки Трехстѣннаго городка явились къ нимъ съ повинною и оказали добрыя услуги при построеніи царскаго города. Такимъ поведеніемъ они снискали царское прощеніе и въ этомъ отношеніи не отстали отъ Ермака, поклонившагося государю сибирскимъ завоеваніемъ. Прощеніе было распространено и на товарищество, укрывшееся въ устьяхъ Яика, часть котораго, по вызову астраханскаго воеводы, пришла оттуда съ атаманомъ Матюхой Мещерякомъ и присоединилась къ терскому казачеству. Къ нему же пристроились и кабардинскіе князья Сунчалей и Мамсрюкъ съ ихъ подвластными, которые стояли на ногѣ служилыхъ людей и получали царское жалованье. Такъ образовалось при воеводскомъ городѣ Теркѣ Терское казачье войско, начало существованія котораго, какъ служилаго сословія, можно относить къ 1586 году, когда началось построеніе приморскаго Терка. Войско это отличалось двумя характеристическими особенностями: во первыхъ, примѣсью инородческаго элемента, привходившаго въ его составъ за все время его существованія, и во вторыхъ, чрезвычайной подвижностью и наклонностью къ морскому молодечеству, школой для котораго былъ рыболовный промыселъ.

Трехстѣнный городокъ былъ только опорнымъ и сборнымъ пунктомъ терскихъ казаковъ, а жили они разбросанными юртами по разметамъ терскаго устья и держались ватагами по ближайшимъ островамъ для производства рыболовнаго промысла. Самый привольный въ этомъ отношеніи и излюбленный казаками, особенно набродными и бездомными, былъ островъ Чеченъ, отстоявшій отъ берега на полдня паруснаго плаванія. Бездомовное непосидячее казачество часто приливало въ терскіе юрты съ Волги и столь же часто отливало на Волгу, такъ что численная сила войска находилась въ постоянномъ и рѣзкомъ колебаніи. Болѣе устойчивымъ и служилымъ по преимуществу элементомъ были семейные казаки, жившіе пригородными слободами поближе къ Тереку. Извѣстное число атамановъ и казаковъ, обыкновенно сотъ до пяти, находилось на постоянной службѣ при терскомъ воеводѣ, подъ начальствомъ особаго головы; они назывались зимовными (какъ бы осѣдлыми) или жалованными, потому что получали царское жалованье. Общій созывъ войска дѣлался воеводами или для походовъ,

или для усиленія обороны въ болѣе важныхъ случаяхъ. На время такихъ созывовъ тоже полагалось царское жалованье, но не столько, можетъ быть, жалованье, сколько надежда на добычу и просто русская удаль молодецкая была двигателемъ, приводившимъ вольныхъ казаковъ къ воеводскому знамени. Нѣкоторые, однако, случаи показываютъ, что казачество крѣпко оскорблялось, когда царское жалованье застрѣвало въ рукахъ воеводъ. Оскорбленіе иной разъ переходило въ неповиновеніе и явное возмущеніе. Одинъ старинный документъ даетъ намъ понятіе о томъ, что происходило въ подобныхъ случаяхъ. Въ 1607 году пошелъ ропотъ между казаками: «государь де насъ хотѣлъ пожаловати, да лихи де бояре не дадутъ жалованья.» Юрты заволновались. Первый поднялся атаманъ Федоръ Бодыринъ съ тремя стами казаками и сталъ таборомъ на рѣкѣ Быстрой (южномъ рукавѣ Терека), около городка атамана Гаврилы Папа. Соединившись съ послѣднимъ, казаки сѣли въ струги и выплыли на островъ Чеченъ. Туда же стянулось войско и изъ остальныхъ юртовъ. Воевода Петръ Головинъ послалъ изъ Терка голову служилыхъ казаковъ Ивана Хомяка сказать вольнымъ казакамъ, чтобъ половина ихъ оставалась въ юртахъ на случай прихода воинскихъ (то есть непріятельскахъ) людей; но казаки не послушались и въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ ушли на Волгу, гдѣ и были увлечены волжскими и донскими казаками въ коловоротъ смутнаго времени. Но впослѣдствіи эти же самые своевольники съ стрѣлецкимъ головою города Терка, Василіемъ Хохловымъ, бились подъ Астраханью противъ мятежныхъ скопищъ Заруцкаго и Марины Мнишекъ за царя Михаила Ѳеодоровича *). Таковы были нравы вольнаго казачества вообще и терскаго въ особенности.

Относительно инородческаго элемента, входившаго въ составъ терскаго войска, слѣдуетъ сказать, что это были разные кавказскіе выходцы, поселявшіеся особыми слободами около Терка, подъ наименованіемъ Черкасъ, Охочанъ, юртовскихъ, то есть осѣдлыхъ, татаръ, Мечкизянъ, Шубутянъ и Новокрещеновъ Послѣд-

*) Акты Археографич. Экспедиціи. Т. II, № 81. См. также Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VIII.

ніе выдѣлялись изъ тѣхъ же инородцевъ, принимая христіанство, и представляли изъ себя особый служилый разрядъ въ составѣ войска. Какъ эти новокрещены, такъ и другіе служилые инородцы паряжались преимущественно въ сопровожденіе торговыхъ каравановъ и посылались на развѣдки въ шамхальскія, кабардинскія и ногайскія земли, на Куму, на Кубань и даже въ Крымъ. Ближайшая власть надъ всѣми инородческими казаками принадлежала наслѣдственно княжескому роду упомянутаго выше Джанклиша, сынъ котораго Сунчалей, внукъ Муцалъ и правнукъ Каспулатъ, во время походовъ, весьма часто принимали начальство и надъ русскими, терскими и гребенскими казаками. Вліянію этихъ замѣчательно способныхъ и полезныхъ дѣятелей слѣдуетъ приписать отчасти удержаніе въ постоянномъ повиновеніи терскимъ воеводамъ какъ терскихъ, такъ и гребенскихъ казаковъ, при всѣхъ невзгодахъ, которымъ подвергался городъ Теркъ. Сами же они были привязаны къ русской службѣ, кромѣ царскаго жалованья, значительными выгодами, которыми пользовались они отъ торговли въ Теркѣ, особенно людьми и лошадьми, минуя установленные въ немъ таможенные сборы.

Терское войско, равно какъ и самый городъ Теркъ немало вынесли бѣдствій отъ непріятельскихъ нападеній, отъ наводненій и отъ болотнаго климата, вредно вліявшаго на здоровье русскихъ людей. Если самый городъ, благодаря своимъ укрѣпленіямъ, и устаивалъ противъ неоднократныхъ нашествій кубанскихъ татаръ, крымскихъ хановъ и даже шамхаловъ, всегдашнихъ «царскихъ ослушниковъ,» то казачьи юрты, въ томъ числѣ и инородческія слободы, подвергались при таковыхъ нашествіяхъ болѣе или менѣе значительнымъ опустошеніямъ. Къ этому надо добавить, что пиратство или, говоря языкомъ вѣка, молодечество, увлекавшее на «сине море» казаковъ, а иногда и Царскихъ стрѣльцовъ, губило множество отважныхъ плавателей въ утлыхъ дощанникахъ и стругахъ. Что же относится до злокачественнаго климата, втихомолку подтачивавшаго населеніе терскаго воеводства, то это обстоятельство, хорошо извѣстное и въ наше время, не требуетъ объясненій. Дабы приковать стрѣлецкіе полки къ тяжелому терскому посту, правительство высылало ихъ сюда съ женами и дѣтьми «на

вѣчное житье.» Сюда же ссылались разные опальные люди, литовскіе и ливонскіе плѣнники, да и по доброй волѣ не мало заходило «гулящихъ» людей, искавшихъ доли. И изъ этого многолюдства едва-ли даже третья часть выжила къ Петровскому времени. Было, правда, и для Терка цвѣтущее время въ первой половинѣ XVII вѣка: были здѣсь каравансараи, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественныя бани, таможенный и кружечный дворы, аманатный дворъ, мѣновой дворъ, были соборная и приходскія церкви и монастырь, гдѣ крестились иновѣрцы, съ полученіемъ за то царскаго награжденія. При такомъ благосостояніи народа, и терское войско было многолюдно и жило привольно. Но скоро наступили, какъ для воеводскаго города, такъ и для служившаго ему казачьяго войска тяжелыя испытанія. Въ 1688 году кубанскій сераскеръ Казы-Гирей съ многочисленной ордой подступалъ къ Терку и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобъ овладѣть имъ. Непріятель былъ храбро отбитъ отъ городскихъ валовъ, но что было внѣ ихъ жестоко пострадало. Послѣдовавшее за тѣмъ наводненіе со стороны моря, произведенное землетрясеніемъ, заставило перенести городъ въ другое мѣсто. Не успѣлъ онъ упрочиться на новомъ мѣстѣ, какъ въ 1707 году долженъ былъ выдержать нападеніе кубанскаго же сераскера Эштекъ-Султана. Такія бѣдствія привели воеводскій городъ въ крайній упадокъ, а ряды терскаго войска такъ порѣдѣли, что въ 1720-хъ годахъ въ немъ насчитывалось уже не болѣе тысячи казаковъ съ охочанами, новокрещенами и другими инородцами. Послѣдніе составляли около одной трети общаго числа служилыхъ людей въ войскѣ.

Въ такомъ печальномъ положеніи нашелъ старый Теркъ Императоръ Петръ Великій во время персидскаго похода 1722 года. Осмотрѣвъ городъ лично, онъ приказалъ его бросить и черту, намѣченную Іоанномъ IV, подвинуть впередъ, на Сулакъ. Была заложена новая крѣпость въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ Сулака отдѣляется рукавъ, называемый Аграханью. Въ память существовавшей здѣсь нѣкогда греческой колоніи Ставрополиса, новое сооруженіе было названо крѣпостью Св. Креста *). Съ перемѣщеніемъ сюда гарнизона стараго Терка, терскіе казаки были также

*) Греческое слово *Ставрополисъ* значитъ порусски городъ Креста.

переведены на Астрахань и названы Астраханскимъ войскомъ. Они должны были прикрывать тридцативерстное пространство, отдѣлявшее новую крѣпость отъ пристани, устроенной на морскомъ берегу. По независѣвшимъ отъ нихъ соображеніямъ, избираемыя для ихъ поселенія мѣста перемѣнялись нѣсколько разъ. Отъ такихъ передвиженій и упорныхъ нападеній чеченцевъ и дагестанцевъ пришли они въ крайнее раззореніе. Потерявши свои хозяйства и не находя строительнаго матеріала въ безлѣсной мѣстности, они вынуждались копать землянки для своего жилья, и эти сырыя, недоступныя для солнечнаго свѣта жилища, въ соединеніи съ лишеніями всякаго рода и зловреднымъ свойствомъ лихорадочнаго климата, губительно дѣйствовали на ихъ физическое благосостояніе. Смертность была такъ велика, что изъ каждыхъ трехъ человѣкъ выбывалъ одинъ, а многія семейства вымирали почти поголовно. Трудно сказать, чѣмъ бы такое положеніе дѣлъ кончилось, если бы съ воцареніемъ Анны Іоанновны крѣпость Св. Креста не была брошена и остатки Терскаго войска не были переведены обратно на Терекъ. Въ 1736 году, послѣ отдачи Надыръ-шаху петровскихъ завоеваній по Сулаку и по каспійскимъ берегамъ, была построена на прежней чертѣ, но только выше стараго Терка, крѣпость Кизляръ съ городскимъ учрежденіемъ. При этой крѣпости Терское войско, пережившее уже два подобныя сооруженія и уложившее болѣе двухъ третей своего населенія въ астраханскихъ могилахъ, водворилось такимъ малолюдствомъ, что едва могло поставлять на службу около 200 чиновъ, въ томъ числѣ инородцевъ 67 человѣкъ. Не смотря на то, оно продолжало существовать какъ самостоятельная часть до самой эпохи образованія Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, именуясь войскомъ Терскимъ-Кизлярскимъ. Послѣдній эпитетъ былъ прибавленъ къ стародавнему его именованію по слѣдующему обстоятельству.

Послѣ построенія крѣпости Св. Креста было усмотрѣно, что одни терскіе казаки не были въ силахъ занять и удерживать линію между крѣпостью и морскимъ берегомъ. Для подкрѣпленія ихъ, въ 1724 году, сдѣлано было переселеніе съ Дону одной тысячи семей «сказочныхъ» (то есть настоящихъ, а не набродныхъ)

казаковъ. Переселенцы эти были также водворены по аграханской линіи и дополнили собою составъ аграханскаго войска. Имъ пришлось испить одну чашу съ терскими казаками и потерять въ теченіи десяти лѣтъ большую половину своего населенія. Пережившія существованіе сулацкой крѣпости семейства, съ немалымъ числомъ вдовъ и сиротъ, были переведены въ 1736 году на лѣвый берегъ Терека и поселены тремя городками между гребенскими станицами и новой крѣпостью Кизляромъ. Поселеніе это, продлившее гребенскую линію внизъ по Тереку, составило особое казачье войско, наименованное Терскимъ-Семейнымъ. Оно могло выставлять на службу четыре сотни казаковъ при двадцати четырехъ старшинахъ. Такимъ образомъ, въ низовьи Терека появилось два терскихъ войска, которымъ для отличія присвоены были дополнительныя названія: старому Кизлярскаго, а новому Семейнаго. Хотя оба они были семейныя, но присвоеніе послѣднему этого прилагательнаго имѣло основаніемъ, быть можетъ, то обстоятельство, что вслѣдствіе разореній, испытанныхъ на Аграхани, ему отпускался провіантъ отъ казны не только на служилыхъ казаковъ, но и на всѣхъ сиротъ, вдовъ и церковно-служителей.

Такое пособіе мало, однакожъ, улучшало бѣдственное положеніе Терскаго-Семейнаго войска на нижне-терской линіи. Въ своемъ прошеніи къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оно изображало это положеніе въ такихъ чертахъ: «Пришли мы въ крайнее убожество и живемъ съ женами и дѣтьми въ землянкахъ съ великою нуждою, и построиться некогда и нечѣмъ, понеже разставлены мы по рѣкѣ Тереку на бродахъ, по заставамъ, и содержимъ въ степяхъ разъѣзды, и командируемся въ партіи и разныя посылки непрестанно.» Для облегченія въ отбываніи службы и повинностей, Терское-Семейное войско въ 1745 году было присоединено къ войску Гребенскому, но не ужилось въ этомъ сообществѣ и чрезъ десять лѣтъ вновь было обособлено подъ прежнимъ своимъ именованіемъ. Къ выдающимся эпизодамъ дальнѣйшей жизни Терскаго-Семейнаго войска относится слѣдующее приключеніе съ бывшимъ нѣкоторое время его казакомъ, всему свѣту извѣстнымъ Емельяномъ Ивановичемъ Пугачевымъ. Года за два

до самозванства прибылъ этотъ пройди-свѣтъ въ Терское-Семейное войско и повидимому желалъ покончить здѣсь съ своимъ безпокойнымъ бродяжествомъ. Въ 1771 году онъ записался казакомъ въ Дубовскій городокъ, откуда вскорѣ перечислился въ другой городокъ, Каргалинскій, гдѣ станичный атаманъ Максимъ Макаровъ приходился ему сродни. Въ войскѣ было много недовольныхъ управленіемъ тогдашняго войсковаго атамана Павла Татаринцева. Въ началѣ 1772 года они «заручились» избрать Пугачева въ войсковые атаманы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отправился въ столицу и исходатайствовалъ привиллегіи, утраченныя войскомъ съ переселеніемъ на Аграхань. Онъ было и отправился, но приверженцы Татаринцева схватили его на пути и представили за карауломъ къ коменданту Моздоцкой крѣпости, полковнику Иванову. Обвиняемый въ смутѣ и нарушеніи войсковаго порядка, Пугачевъ былъ посаженъ въ тюрьму, но при помощи своихъ избирателей бѣжалъ, вмѣстѣ съ бывшимъ на часахъ солдатомъ Венедиктомъ Лаптевымъ, и пробрался на Яикъ, гдѣ, какъ извѣстно, устроилась для него роль поважнѣе атаманства въ войскѣ, состоящемъ изъ трехъ городковъ *).

Это, вмѣщавшееся въ трехъ городкахъ, войско прожило самостоятельною жизнью до 1832 года, а въ томъ году, на ряду съ другими подобными ему единицами, вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска съ именемъ Терскаго-Семейнаго полка. Въ 1836 году полкъ этотъ былъ соединенъ въ остаткомъ стародавняго терскаго казачества, Терскимъ-Кизлярскимъ полкомъ, и оба вмѣстѣ составили Кизлярскій полкъ. Часть эта сдѣлалась такимъ образомъ преемницею существованія двухъ казачьихъ войскъ, цѣною безмѣрныхъ жертвъ, открывшихъ дорогу на Кавказъ русской колонизаціи. Serviendo consumor — вотъ значеніе ихъ многострадальной жизни.

Сто слишкомъ лѣтъ раньше того, эти два угасшія войска призваны были, какъ мы видѣли, составить передовое войско

*) Въ допросныхъ бумагахъ о Пугачевѣ сохранилось слѣдующее описаніе его наружности: лицомъ смугловатъ, волосы стрижены, борода небольшая черная, окладистая, росту средняго, одѣтъ въ синій китайчатый бешметъ, а на ногахъ желтые сапоги.

астраханское. Въ учрежденіи этого недолговѣчнаго, но предполагавшагося въ немалыхъ размѣрахъ, войска сказалась настоятельная потребность развитія казачьяго рода оружія на Кавказѣ. По переводѣ на астраханскую линію тысячи казачьихъ семей съ Дона, правительство обращалось къ донскимъ атаманамъ Краснощекову, Матвѣеву и Ефремову, «чтобы они подговорили добровольно двѣ или три тысячи донскихъ казаковъ и съ ними поселились на Астрахани около крѣпости Св. Креста». Краснощекову обѣщано было атаманство надъ астраханскимъ войскомъ съ жалованьемъ по тысячѣ рублей въ годъ. Послѣ того, указомъ Военной Коллегіи командующему низовымъ (впослѣдствіи кавказскимъ) корпусомъ ландъ-графу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому предлагалось астраханское казачье войско «дополнить изъ командированныхъ въ оный корпусъ донскихъ и яицкихъ казаковъ, такожъ и изъ малороссійцевъ, кои въ томъ войскѣ сами служить пожелаютъ». *) Наконецъ, кабардинскому князю Эльмурзѣ Бековичу-Черкасскому было поручено зазывать въ казачью службу черкесъ, грузинъ и армянъ, «которые въ войнѣ были бы обычны и во всемъ исправны», обѣщая по пятнадцати и болѣе рублей годоваго жалованья на человѣка. Мѣропріятія эти имѣли весьма слабый успѣхъ, но тѣмъ не менѣе правительство не оставляло мысли объ умноженіи иррегулярнаго войска изъ какихъ бы не было элементовъ. Вскорѣ представился по видимому, особенно благопріятный къ тому случай. Усобицы князей большой и малой Кабарды выдвинули человѣка, который долженъ былъ осуществить правительственную идею, разсчитывая именно на внутреннія неурядицы въ землѣ своихъ родичей. Это былъ малокабардинскій князь Коргока Кончокинъ, принявшій христіанство въ Кизлярѣ, побывавшій въ столицѣ и потомъ основавшій особое поселеніе на лѣвомъ берегу Терека, выше гребенскихъ городковъ, въ лѣсистомъ урочищѣ Мездогу (дремучій лѣсъ), съ цѣлью привлечь туда достаточное для видовъ правительства число выходцовъ изъ Кабарды, Осетіи и другихъ горскихъ обществъ. Для прикрытія этого населенія, названнаго Моздокомъ, въ 1763 году построено было при немъ небольшое укрѣпленіе, для содержанія котораго посылались команды

*) Указъ Воен. Коллегіи отъ 11 генваря 1733 г., № 148.

отъ кизлярскаго гарнизона и казаки терскіе и гребенскіе. Для обращающихся въ христіанство сооружена была тамъ деревянная церковь, а для доходовъ отъ торговли учреждена таможня. Поселявшимся въ Моздокѣ выходцамъ назначались пособія, но при этомъ требовалось, чтобы моздоцкій край «сколь можно военными, а не другими людьми умноженъ былъ», чтобы выходцы писались въ казаки и изъ нихъ была бы составлена «моздоцкая горская команда» по данному штату. Но къ умноженію выходцевъ кабардинскіе князья и уорки отнеслись весьма не благопріятно, считая занятіе моздоцкаго урочища захватомъ и нарушеніемъ владѣльческаго права ихъ на эту землю. Въ послѣдовавшій осенью 1768 года разрывъ съ Турціей, они явно приняли сторону крымскаго хана и въ слѣдующемъ году, весною, соединясь съ кубанскими татарами, двинулись большими силами противъ моздоцкаго поселенія съ намѣреніемъ снести его съ лица земли. Къ счастью, правитель калмыцкаго народа Убуши заступилъ имъ дорогу на р. Калаусѣ и разбилъ ихъ на голову. Враждебное движеніе кабардинцевъ, со временъ Іоанна Грознаго не поднимавшихъ открыто оружія противъ русскихъ, показало, что въ моздоцкой колоніи невозможно было обходиться какимъ нибудь слабымъ форпостнымъ укрѣпленіемъ. Въ 1770 году форпостъ этотъ былъ превращенъ въ сильную крѣпость, вооруженную сорока орудіями и занятую самостоятельнымъ гарнизономъ съ комендантскимъ управленіемъ, по примѣру кизлярской крѣпости. Для прислуги при крѣпостныхъ орудіяхъ переселено было съ Дону сто семей казаковъ съ званіемъ канониров. (Поселеніе этихъ казаковъ составило нынѣшнюю Луковскую станицу). Къ гарнизону новой крѣпости причислена была и моздоцкая горская команда. Въ ней состояло всего 104 человѣка всадниковъ. Число выходцевъ возрастало слабо и особеннаго желанія нести казачью службу въ нихъ не обнаруживалось. Самая благонадежность ихъ подвергалась сомнѣнію по случаю нерѣдкихъ побѣговъ въ горы. Тогда правительство обратилось къ болѣе надежной мѣрѣ—къ занятію моздоцкой окраины русскими казаками. Въ томъ же 1770 году, изъ Волгскаго войска, существовавшаго на правомъ берегу Волги между Царицынымъ и Камышинымъ, выведено было 517 казачьихъ и старшинскихъ

семействъ, которыя и поселены въ линію по лѣвому берегу Терека пятью станицами, между Гребенскимъ войскомъ и крѣпостью Моздокомъ, на протяженіи около 80 верстъ. Въ виду враждебнаго настроенія кабардинцевъ, станицы были хорошо укрѣплены и на крѣпостное вооруженіе ихъ выдано по четыре трехфунтовыхъ пушки въ каждую. Для дѣйствія при пушкахъ переселено было съ Дону еще 250 семействъ, которыя съ тѣмъ же званіемъ канонировъ и распредѣлены по станицамъ по 50 семействъ въ каждую. Это линейное поселеніе образовало изъ себя самостоятельную казачью часть—Моздоцкій полкъ. Часть эта сохранила внутренній урядъ и общественное управленіе своей метрополіи, Волгскаго войска, но во главѣ ея поставленъ, вмѣсто атамана, полковой командиръ. Строевой составъ полка опредѣленъ Высочайше утвержденнымъ штатомъ, по которому число служилыхъ людей, въ силу стариннаго правила, назначено было по числу семействъ, а именно 500 казаковъ и 17 старшинъ. Капонирскія семейства въ полковой составъ не включались; они поставляли 350 пушкарей, которымъ лошадей не полагалось, но требовалось, чтобъ они имѣли ружья, дабы при нападеніяхъ на станицы, кромѣ дѣйствія изъ орудій, могли защищать ихъ и ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1777 году къ полку были приписаны 200 кибитокъ крещеныхъ калмыковъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи астраханскаго епископа; но этотъ кочевой контингентъ нисколько не усилилъ строеваго состава полка и изъ него, кромѣ калмыковъ, ничего больше не вышло. Дѣйствительное же усиленіе произведено было въ 1796 году обращеніемъ въ составъ полка русской милиціи, переведенной въ Моздоцкую крѣпость изъ Саратова и состоящей при крѣпостномъ гарнизонѣ подъ названіемъ московской легіонной казачьей команды (нѣчто въ родѣ старинныхъ городовыхъ казаковъ). Обращено было 335 легіонеровъ, людей также семейныхъ, какъ и казаки. Съ присоединеніемъ ихъ, прибавилась въ полковомъ округѣ новая станица (Стодеревская); послѣ чего число строевыхъ чиновъ полка, съ пушкарями, возросло до до 1030 человѣкъ. Въ эпоху собиранія Кавказскаго Линейнаго войска Моздоцкій полкъ поступилъ въ его составъ, имѣя въ строю 1,250 чиновъ, при народонаселеніи около 11,500 душъ обоего пола.

Болѣе памятнымъ событіемъ въ самостоятельной жизни этой части было опустошительное нашествіе крымскаго калги (намѣстника) Шабазъ-Гирея и блистательное отраженіе казаками его орды въ 1774 году, предъ окончаніемъ первой войны Екатерины II съ Турціею. Весною того года, по враждебнымъ происканъ кабардинцевъ, которые никакъ не могли примириться съ занятіемъ моздокской мѣстности, Шабазъ-Гирей появился въ виду Моздока съ громадными полчищами кубанскихъ татаръ и закубанскихъ адыговъ, скрытно усиленныхъ кабардинцами. Скопище это дополняли пятьсотъ русскихъ некрасовскихъ казаковъ, служившихъ крымскимъ ханамъ. Половина непріятельскихъ силъ вступила въ Кабарду и, поднявъ ея населеніе, угрожала Моздокской крѣпости, а другая половина, числомъ до десяти тысячъ, бросилась на станицы Моздокаго полка, и четыре изъ нихъ погромила до основанія. Казаки съ семействами успѣли укрыться въ главной своей станицѣ Наурской, хорошо укрѣпленной съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, выходившей на Терекъ, временно загороженной возами. Обложивъ эту станицу, непріятель приступалъ къ ней, то съ той, то съ другой стороны, въ продолженіи шести дней. Казаки стояли на валахъ день и ночь и успѣшно отражали непріятельскіе напуски. Служилыхъ людей подкрѣпляли старики, подростки и женщины, вооруженные косами, вилами, топорами, ухватами. Обороною распоряжался командиръ полка, приведшій его съ Волги, полковникъ Иванъ Дмитріевичъ Савельевъ, въ послѣдствіи знаменитый на Кавказѣ генералъ. Неся большія потери отъ огня осажденныхъ, татары поставили на арбы деревянные щиты и подъ ихъ закрытіемъ, 11-го іюня, двинулись на штурмъ со всѣхъ сторонъ. Оглушительный визгъ, наполнявшій воздухъ, показывалъ единодушную азіатскую рѣшимость. Рѣзня происходила на самыхъ валахъ. Некрасовскіе казаки, находившіеся въ рядахъ непріятельскихъ, сторонились отъ рукопашнаго боя и ободряли обороняющихся, передавая имъ русскимъ языкомъ, что татары истощили всѣ свои запасы и если будутъ отбиты, то въ тотъ же день уйдутъ, откуда пришли. Татары были отбиты и дѣйствительно бѣжали на Кубань, предоставивъ Кабарду самой себѣ. Казаки купили побѣду цѣною четырехъ своихъ станицъ и хозяйствъ, но

Моздокъ былъ спасенъ и значеніе его послѣ этого расширилось далеко.

Заключенный въ томъ же 1774 году кучукъ-кайнарджійскій мирный трактатъ съ Турціей доставилъ Россіи обладаніе Азовомъ, Азовскимъ моремъ и нѣсколькими опорными пунктами на проливѣ, соединяющимъ это море съ Чернымъ. Русскія владѣнія на Кавказѣ быстро подвинулись отъ востока къ западу. Поселеніемъ моздокскаго полка по Тереку закончена была линія отъ терскаго устья до Моздока, на двѣсти слишкомъ верстъ; теперь требовалось продолжить ее отъ Моздока до Азова, по протяженію всего почти Кавказскаго перешейка. Въ 1777 г. поставленъ былъ по этой чертѣ длинный рядъ укрѣпленій, отъ впаденія Малки въ Терекъ и далѣе къ азовскому бассейну—по рѣкамъ Курѣ, Цалугѣ или Золкѣ, по Кумѣ и вершинамъ Карамыка, Домузлова, Бійбалы или Буйвалы и Калауса, а потомъ по Егорлыкамъ и Манычу до низовья Дона. Нельзя сказать, чтобы линія эта, названная Моздокско-Азовской, была достаточно тверда географически, но ее все-таки требовалось заселить и никѣмъ другимъ, какъ русскими казаками, по примѣру установившейся уже линіи кизляро-моздокской. Для этого взята была другая половина Волгскаго войска, остававшаяся еще на Волгѣ послѣ выселенія первой половины, образовавшей моздокскій полкъ. Въ 1777 году высланы были на Кавказъ одни служилые казаки въ числѣ 700 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году прибыли и ихъ семейства. Переселенцы эти сѣли пятью станицами: а) въ урочищѣ Бештамакъ (устье Малки), при крѣпости Екатерининской, названной впослѣдствіи Екатериноградскою; б) при крѣпости Павловской, на р. Курѣ; в) при крѣпости Маріинской, на р Золкѣ; г) при крѣпости Георгіевской, близь впаденія Подкумка въ Куму; и, наконецъ, д) въ вершинѣ р. Домузлова, при крѣпости Александровской. Станицы названы по именамъ перечисленныхъ крѣпостей. По дальнѣйшему протяженію линіи поселились слободско-украинскіе казаки, переведенные съ Хопра въ одно время съ волгскими и составившіе полкъ Хоперскій, (нынѣ имени великой княгини Анастасіи Михайловны) который въ кругъ нашего описанія не входитъ.

Прибывшая на Кавказъ остальная половина Волгскаго вой-

ска принесла съ собою всѣ свои войсковыя регаліи и удержала за собою въ этомъ новомъ краѣ прежнее наименованіе Волгскаго войска. Войску этому обѣщано было сохраненіе стараго внутренняго уряда и привиллегій, которыми пользовалось оно на Волгѣ съ царствованія императрицы Анны Іоанновны. По строевой же части оно обязано было содержать, по данному штату, «Волгскій казачій полкъ», въ составѣ: командира полка 1, станичныхъ атамановъ 5, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ—каждаго чина по пяти, квартермистра 1, полковаго писаря 1 и казаковъ съ пятидесятниками 514. Число всѣхъ жителей въ войскѣ простиралось до 4,640 душъ обоего пола. Командиръ полка былъ вмѣстѣ и правитель войска. Кромѣ этой особенности мы видимъ еще и ту, что станичные атаманы включены въ строевой составъ полка,—что было вполнѣ сообразно съ расположеніемъ войска на опаспыхъ передовыхъ постахъ. Въ протяженіи, занятомъ пятью станицами волгскаго войска, считалось болѣе 200 верстъ. Для содержанія линіи такой длины, силъ одного полка пятисотнаго состава, очевидно, было не достаточно. А между тѣмъ кабардинцы, при часто повторявшихся возстаніяхъ, первые свои удары направляли противъ волгскаго войска, считая его захватчикомъ лучшихъ своихъ земель. Отсюда выходило, что кромѣ строеваго полка и все остальное мужское населеніе войска постоянно находилось подъ ружьемъ, несло туже боевую службу, съ той только разницей, что не пользовалось никакимъ содержаніемъ отъ казны. Части строеваго полка обыкновенно высылались въ дальніе кавказскіе походы, а во время внѣшнихъ войнъ государства и въ заграничныя кампаніи. Оборона линіи оставалась весьма часто на рукахъ отставныхъ, льготныхъ и вообще не строевыхъ казаковъ. Случалось, что за выходомъ ихъ на линейные посты, въ станицахъ оставались одни дряхлые старцы съ подростками, да женщины съ дѣтьми. Но надобно сказать, что это были женщины, закаленныя въ непрерывныхъ линейныхъ тревогахъ не хуже своихъ мужей и братьевъ Приведемъ доказательство. На разсвѣтѣ одного дня, большое скопище горцевъ бросилось на одно изъ передовыхъ укрѣпленій и было отбито картечнымъ огнемъ съ чувствительнымъ для себя урономъ. Провѣдавъ, что въ одной изъ

окрестныхъ станицъ никого кромѣ стариковъ и женщинъ не находилось, горцы направились къ этой станицѣ, въ увѣренности поправить свою неудачу ея раззореніемъ. Но каково было ихъ разочарованіе, когда, приближаясь къ станицѣ, они увидѣли на ея валахъ густые ряды казаковъ, совершенно готовыхъ къ оборонѣ, что подтверждалось и сигнальными выстрѣлами изъ станичной пушки. Порѣшивъ, что они введены въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ, горцы прошли мимо и станица уцѣлѣла. А она уцѣлѣла благодаря единственно демонстраціи, сдѣланной казачками, которыя, какъ только завидѣли приближеніе непріятельскаго скопища, надѣли на себя кто шапку, кто башлыкъ, накинули мужскую одежду, вооружились вилами и ухватами и дружно высыпали, вслѣдъ за немногими стариками и подростками, на станичный валъ, сперва—чтобъ «помаячить», а потомъ, еслибы пришлось, и постоять за станичку съ божьей помощью, за неимѣніемъ другой.

Кромѣ длинноты, несоразмѣрной съ силами населенія, линія волгскаго войска страдала еще отсутствіемъ географической твердости и, вслѣдствіе того, чаще испытывала тревоги и раззоренія, чѣмъ другая какая-либо лучше прикрытая линейная часть. Въ виду этого, генералъ Ермоловъ призналъ полезнымъ занять нѣсколько передовыхъ пунктовъ и заселить ихъ новыми станицами, для чего приходилось выдвигать, или сполна, или частями, населеніе тѣхъ же волгскихъ станицъ. Такимъ образомъ, изъ Александровской станицы выведено было, въ 1825 году, 385 семействъ, и изъ этого числа 100 семей поселились на Подкумкѣ, у крѣпости Кисловодской, гдѣ образовали станицу Кисловодскую, 50 семей положили начало станицы Боргустанской, близъ укрѣпленія того же наименованія, и 235 семей основали на р. Бургунтѣ станицу Есентукскую. Изъ Георгіевской станицы вышло 250 семей, изъ коихъ 200 водворились около Горячихъ Водъ (нынѣшняго Пятигорска) и образовали станицу Горячеводскую, а 50 семей переселились къ Бабуковскому аулу, на Подкумкѣ, и составили съ кабардинскимъ его населеніемъ станицу Бабуковскую. Станицы Маріинская и Павловская передвинуты были, въ 1829 году, на Малку и названы по именамъ бывшихъ тамъ постовъ Бѣломечетской и Приближной. Наконецъ, по именному высочайшему указу, дан-

ному правительствующему сенату 2-го декабря 1832 года, обращены въ казаки и причислены къ волгскому войску четыре гражданскія селенія, лежавшія по Кумѣ: Нижнеподгорное, Верхнеподгорное, Александровское и Незлобное, въ которыхъ насчитывалось 629 дворовъ съ населеніемъ до 4.050 душъ обоего пола. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ обращеніи не было ничего искусственнаго или насильственнаго: однодворцы и экономическіе крестьяне названныхъ селеній, испытывая частыя тревоги, были уже настолько оказачены, что у нихъ нашлось при обращеніи въ казачество до 2.400 лошадей и 850 исправныхъ ружей. Да и какой же русскій человѣкъ не казакъ, по слову Лермонтова, въ душѣ!

Такими способами поддержано было воинственное населеніе волгскаго войска при многочисленныхъ лишеніяхъ, начавшихся для него съ самаго его передвиженія на Кавказъ съ Волги, по голодной астраханской степи. Въ длинномъ ряду этихъ лишеній первое мѣсто занимаютъ, конечно, потери въ людяхъ, отъ непрерывныхъ непріятельскихъ набѣговъ, разореній, убійствъ, захватовъ въ плѣнъ и, въ добавокъ, отъ чумы, нерѣдко появлявшейся на Кавказской Линіи и особенно свирѣпствовавшей въ 1806 и 1814 годахъ. Не смотря на все это, волгское войско, къ концу періода своей самостоятельной жизни, явило замѣчательный примѣръ выносливости и жизненности, исторически отличающихъ русское племя: въ 1832 году оно вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска, имѣя до десяти съ половиною тысячъ душъ населенія (обоего пола) и изъ того числа до 1.150 строевыхъ казаковъ. При поселеніи же войка на Кавказѣ въ 1778 году народонаселеніе его, какъ мы видѣли, состояло изъ 4.640 душъ обоего пола, а прибавка отъ причисленій не особенно была значительна.

Какъ о выдающемся, хотя и не единственномъ въ развитіи кавказской колонизаціи фактѣ, можно упомянуть о томъ, что Екатерининская станица Волгскаго войска повышена была одно время на степень главнаго города въ краѣ. Въ 1785 году было учреждено Кавказское намѣстничество изъ двухъ губерній, Кавказской и Астраханской, при чемъ Екатерининская крѣпость и ста-

ница того же наименованія объявлены были главнымъ городомъ намѣстничества подъ именемъ Екатеринограда. Древній хозарскій Итиль, а потомъ столица татарскаго царства—Астрахань должна была преклониться предъ новымъ городомъ, номинально выросшемъ въ глухомъ углу, образуемомъ сліяніемъ Малки съ Терекомъ. Но городъ, даже номинально, не просуществовалъ и десяти лѣтъ. «Фортуна скрылася, одна сума въ глазахъ». Осталась одна прежняя станица, только переименованная изъ Екатерининской въ Екатериноградскую. И при станицѣ остались до нашего времени никому ненужныя тріумфальныя ворота съ надписью: «Построены попеченіемъ генералъ-губернатора Потемкина». Самая станица, носительница имени мертворожденнаго города, выбыла впослѣдствіи изъ состава волгскаго войска для образованія новой линейной части, къ обозрѣнію которой мы и перейдемъ.

Существовало правило, чтобы каждая линейная часть, войско или полкъ, обороняла своими силами всю территорію, занятую ея поселеніями. Между этими поселеніями возникали нерѣдко и гражданскія, оборона которыхъ лежала также на казакахъ. Генералъ Ермоловъ, взвѣсивъ несоразмѣрность территоріальнаго пространства съ численной силой волгскаго войска, призналъ необходимымъ, для достиженія нѣкотораго равновѣсія, организовать особую линейную часть между волгскимъ войскомъ и моздокскимъ полкомъ. Часть эта была устроена въ 1824 году подъ наименованіемъ Горскаго полка, въ составъ котораго поступили: горская казачья команда, учрежденная въ Моздокѣ при самомъ его основаніи изъ кабардинскихъ и другихъ горскихъ выходцевъ; Луковская станица, основанная при Моздокѣ же донскими переселенцами, вызванными, какъ мы видѣли, для пушкарской службы при крѣпостной артиллеріи; два осетинскія селенія, составившіяся изъ выходцевъ этого племени; четыре русскія гражданскія селенія, водворившіяся между казачьими станицами, и, наконецъ, Екатериноградская станица волгскаго войска. Изъ перечисленныхъ элементовъ образовались, кромѣ Луковской и Екатериноградской, станицы: Горская, Черноярская (осетинская), Прохладная и Солдатская. Такимъ образомъ, новый полкъ составился изъ девяти станицъ, съ населеніемъ до пяти съ половиною тысячъ душъ. Чрезъ

четыре года (въ 1829 г) онъ былъ усиленъ еще двумя станицами, Государственною и Курскою, обращенными изъ гражданскихъ поселеній тѣхъ же наименованій, и выставлялъ въ строй болѣе 800 казаковъ. Русскіе поселяне быстро превращались въ служилыхъ казаковъ, потому что еще до того были обстрѣляны, но инородческій элементъ, какъ не считали его «обычнымъ въ войнѣ», не былъ такъ податливъ на несеніе тяжелой линейной казачьей службы. Съ обращеніемъ горской комакды въ составъ полка были сюда же зачислены и многія семейства осетинъ и адыговъ, жившія въ Моздокѣ безъ всякой службы подъ именемъ «моздоцкихъ казачьихъ братьевъ» (какъ бы старинныхъ подсусѣдковъ); но этихъ братьевъ никакая правительственная сила не могла заставить побрататься съ казаками и служить ихъ службу. Такимъ образомъ сформированіе горскаго полка въ подавляющемъ большинствѣ изъ русскихъ людей показало, на сколько состоятельна была давняя правительственная мысль найти достаточное подспорье къ умиротворенію горцевъ въ самихъ горцахъ.

Кромѣ того,образованіе горскаго полка было, такъ сказать, шестымъ днемъ въ мірозданіи кавказскаго казачества старой эпохи: этой частью, шестой по счету, закончился на восточномъ Кавказѣ циклъ самостоятельныхъ линейныхъ единицъ, подготовившихъ образованіе Кавказскаго Линейнаго войска. Мысль о собраніи этихъ единицъ въ одно цѣлое возникла еще въ прошломъ столѣтіи, когда только еще приступлено было къ заведенію моздоцко-азовской линіи. Въ 1776 году дано было Высочайшее повелѣніе; «всѣ подъ разными названіями небольшія войски, оставя на мѣстахъ жительства, соединить въ одинъ корпусъ съ наименованіемъ астраханскимъ казацкимъ войскомъ, чрезъ что они получатъ связь» *). Но послѣдовавшее вскорѣ перемѣщеніе центра тяжести изъ Астрахани въ Екатериноградъ повело къ оставленію указаннаго войсковаго наименованія, при чемъ и самое объединеніе «небольшихъ войскъ» фактически не состоялось. Въ 1820 годахъ этотъ забытый вопросъ былъ поднятъ генераломъ Ермоловымъ, но опять отложенъ по случаю персидской и турецкой войнъ, и только уже по представленію графа Паскевича-Эриванскаго осуществленъ въ 1832 году.

*) Полн. Собр. Закон. Т. XX, ст. 14. 464.

Въ эту эпоху всѣ линейныя казачьи части, жившія индивидуально по кубанскому и терскому бассейнамъ, за исключеніемъ нижняго теченія Кубани, занятаго Черноморскимъ войскомъ, были названы Кавказскимъ Линейнымъ войскомъ, съ территоріальнымъ протяженіемъ въ 700 верстъ, отъ Изряднаго-Источника на Кубани (пограничнаго поста съ Черноморскимъ войскомъ) до впаденія Терека въ Каспійское море. Войско получило значительное приращеніе въ населеніи обращеніемъ въ станицы тридцати слишкомъ гражданскихъ селеній, болѣе или менѣе свыкшихся съ пограничными тревогами Въ томъ же 1832 году былъ назначенъ войсковой наказный атаманъ (генералъ-маіоръ Верзилинъ). Тѣ изъ старыхъ частей, которыя именовались войсками, получили названіе полковъ. Но это сдѣлано было только для однообразія въ названіяхъ; на самомъ же дѣлѣ каждая часть, оставаясь въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ, продолжала жить прежнимъ строемъ и порядкомъ, подчиняясь въ гражданскомъ отношеніи, каждая въ своемъ мѣстѣ, полицейскимъ и судебнымъ учрежденіямъ Кавказской области. Единственное измѣненіе выразилось въ томъ, что два Терскія войска, по причинамъ, объясненнымъ выше, чрезъ короткое время послѣ переименованія ихъ въ полки Терскій-Кизлярскій и Терскій-Семейный, слиты были въ одну часть и, какъ было уже сказано, составили Кизлярскій полкъ.

Если, при этомъ перестроѣ, одна изъ старыхъ частей убыла, то убыль эта пополнилась образованіемъ новой части по восточной дугѣ Терека, на военно-грузинской дорогѣ, между крѣпостями Екатериноградской и Владикавказской. Это важное сообщеніе, для охраненія котораго заведены были военныя поселенія женатыхъ солдатъ, постоянно подвергалось хищническимъ нападеніямъ горцевъ Для болѣе прочнаго обезпеченія его безопасности, въ 1837 году приступлено было къ заселенію этого пространства двумя малороссійскими казачьими полками, сформированными въ 1831 году малороссійскимъ дворянствомъ для дѣйствій противъ польскихъ повстанцевъ, а потомъ обращенными на службу при войскахъ Кавказской Линіи. Семейные казаки названныхъ полковъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ десятковъ семействъ изъ старыхъ линейныхъ станицъ и переселенцевъ изъ Черниговъ-

ской, Харьковской и Воронежской губерній, а также и солдатскихъ семействъ упраздненныхъ въ то же время военныхъ поселеній, заняли кабардинскіе берега Терека, на протяженіи ста слишкомъ верстъ, восемью станицами, изъ которыхъ составился Владикавказскій полкъ. Населеніе этого полка въ состояніи было ставить на службу шесть боевыхъ сотень.

Занятіе передовой линіи къ западу отъ Владикавказа повело къ занятію такой же линіи и къ востоку—по Сунжѣ. Это была стратегическая и даже географическая необходимость для Владикавказской крѣпости, выдвинутой далеко впередъ отъ терской базы еще въ прошломъ столѣтіи, ради сообщенія съ Грузіей. О занятіи сунжинской линіи дѣлалъ предположенія генералъ Булгаковъ въ 1810 году, а черезъ десять лѣтъ потомъ, генералъ Ермоловъ уже памѣтилъ ее сооруженіемъ крѣпости Грозной и другихъ полевыхъ укрѣпленій. Не доставало только казачьихъ станицъ, обыкновенно дополнявшихъ на Кавказѣ первое слово, сказанное такимъ или другимъ полевымъ укрѣпленіемъ. Выдвиганіе станицъ на Сунжу началось съ 1845 года, когда еще поселеніе Владикавказскаго полка не было вполнѣ закончено. Въ тоже время совершалось аналогичное выдвиганіе линіи и со стороны Кубани на Лабу. Въ жизни Кавказскаго Линейнаго войска наступилъ періодъ усиленнаго колонизаціоннаго движенія, поглотившаго много финансовыхъ, а еще больше человѣческихъ жертвъ, но за то оказавшаго громадное вліяніе на исходъ кавказской войны. Старые линейные бойцы, по охотѣ, по жребію, по станичнымъ приговорамъ, покидали отцовскіе и дѣдовскіе очаги и шли въ горы съ своими семействами и имуществами, а мѣста ихъ пополнялись русскими людьми, приливавшими изъ южныхъ губерній при правительственныхъ пособіяхъ. Съ этимъ внѣшнимъ движеніемъ совпало движеніе внутреннее—организаціонное. Въ 14 день февраля 1845 года Кавказскому Линейному войску Высочайше дарованно,—по примѣру войскъ Донскаго и Черноморскаго, особое положеніе, всесторонне опредѣлившее его военное и гражданское устройство. Въ гражданскомъ отношеніи войско отособилось отъ Кавказской области, получивъ свое внутреннее управленіе, съ высшими и низшими учрежденіями, а по военной части—всѣмъ

общественнымъ единицамъ войска, какъ старымъ, такъ и новымъ, дана однообразная организація съ уравнительнымъ распредѣленіемъ ихъ населеній. Основа организаціи осталась старая помѣстная или территоріальная, основа, должно сказать, историческая, существовавшая еще въ гетманскомъ малороссійскомъ войскѣ: каждый полкъ составилъ свой территоріальный округъ: а станицы въ округѣ подѣлились на сотни. Каждая сотня выѣзжала въ строй съ своимъ значкомъ, на которомъ изображался крестъ съ девизомъ: «Съ нами Богъ». Казакъ во фронтѣ чувствовалъ стремя того же товарища, плетень котораго граничилъ съ его дворомъ въ станицѣ. Строевой составъ полка опредѣленъ въ шесть сотень обыкновенной эскадронной численности. На одну строевую сотню положена тысяча, а на полкъ шесть тысячъ душъ мужскаго пола. Для достиженія такой нормы, въ старыхъ полкахъ потребовалось перечислить нѣкоторыя станицы изъ однихъ полковыхъ округовъ въ другіе, смежные, а въ новыхъ добавить недостающее число жителей переселенцами изъ губерній, преимущественно малороссійскихъ. Полки сохранили свои старыя имена, а присвоенные каждому изъ нихъ цвѣта въ обмундированіи способствовали, можно сказать, къ удержанію каждымъ своей физіономіи. Но особенно замѣчательно то, что помѣстное военное устройство дало возможность и земскому или гражданскому строю придать простоту, такъ желательную русскому человѣку, такъ отвѣчающую складу его ума и характеру. Военное и гражданское управленіе было слито въ однихъ учрежденіяхъ—полковыхъ и станичныхъ правленіяхъ. Такая естественность и близость къ жизни устраняла многоначаліе и соединенное съ нимъ развитіе канцеляризма, бюрократическаго формализма. Ни одно изъ казачьихъ войскъ, за исключеніемъ развѣ уральскаго, не писало такъ мало бумагъ, какъ кавказское, и за то ни одно не работало такъ лихо винтовкою и шашкою.

Полки были распредѣлены на бригады. Счетъ бригадъ шелъ отъ Кубани къ Тереку. Волгскій полкъ, по избытку своего населенія раздѣленный на два полка, составилъ въ реорганизованномъ кавказскомъ войскѣ 6-ю бригаду, Горскій и Владикавказскій 7-ю, Моздокскій, Гребенской и Кизлярскій 8-ю. Но какъ

войсковое положеніе 1845 года застало войско въ самомъ разгарѣ колонизаціоннаго движенія, а движеніе это влекло за собою развитіе строеваго состава войска, то чрезъ протеченіе извѣстнаго времени и показанное число бригадъ увеличилось. Въ восточномъ отдѣлѣ Кавказской Линіи, подлежащемъ настоящему обозрѣнію, колонизаціонное движеніе создало двѣ новыя бригады по бокамъ и, отчасти, внутри треугольника, въ вершинѣ котораго стояла крѣпость Владикавказъ.

Заселеніе Сунжи, начавшееся, какъ мы видѣли, въ 1845 году, совершалось, съ нѣкоторыми уклоненіями въ стороны и съ перерывами во времени, болѣе пятнадцати лѣтъ. Географическая послѣдовательность уступала нерѣдко мѣсто злобѣ дня—относительнымъ, чтобъ не сказать случайнымъ соображеніямъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ наступательно противъ Шамиля. Какъ бы то ни было, но по сунжинскому бассейну, въ показанный періодъ времени, водворилось три новыхъ полка: одинъ занялъ вершины Камбилея, Сунжи и длиннѣйшаго изъ ея притоковъ, Ассы—семью станицами; другой заселилъ среднее теченіе Сунжи съ боковымъ сообщеніемъ отъ нея къ Моздоку—семью станицами, и третій нижнее теченіе Сунжи до Брагуновъ и Горячихъ водъ—восемью станицами. Первый изъ этихъ передовыхъ полковъ названъ 2-мъ Владикавказскимъ и вмѣстѣ съ 1-мъ полкомъ того же наименованія составилъ новую бригаду *), два остальные полка названы 1-мъ и 2-мъ Сунжинскими и также составили особую бригаду.

Съ развитіемъ Кавказской линіи усложнялось ея управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ нарушалось и единство управленія Кавказскаго Линейнаго войска. Свободное отъ многоначатія внутри, оно подвергалось ему извнѣ. По учрежденію, непосредственное управленіе войскомъ принадлежало одному войсковому наказному атаману, но по военнымъ обстоятельствамъ въ него вмѣшивались многіе распорядители, а именно: начальникъ праваго фланга линіи, начальникъ центра, начальникъ владикавказскаго округа, начальникъ лѣ-

*) При чемъ моздокій полкъ составилъ бригаду съ горскимъ, а гребенской съ кизлярскимъ. Нынѣшнія составныя названія полковъ произошли отъ именъ ихъ бригадныхъ составовъ.

ваго фланга, и, въ добавокъ, начальники разныхъ кордоновъ. При фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ расчлененіе это уврачевалось простымъ способомъ: кавказская линія раздѣлена географически на двѣ половины, названныя правымъ крыломъ и лѣвымъ крыломъ, и по этому дѣленію положены два только начальника. Правое крыло простиралось по кубанскому, лѣвое по терскому бассейну. Въ 1860 году, первое переименовано въ Кубанскую, а послѣднее въ Терскую область. Начальники того и другаго крыла получили званіе начальниковъ областей и командующихъ войсками въ ихъ предѣлахъ. Въ областяхъ, кромѣ казаковъ и горцевъ, за незначительнымъ исключеніемъ въ пользу гражданскаго элемента, никого больше не было. Гражданскій элементъ сосредоточивался въ Ставропольской губерніи, состоявшей по срединѣ между двумя областями. Чтобы дать областямъ гражданское значеніе, нужно было или Ставропольскую губернію распредѣлить пополамъ между ними, или наполнить ихъ другимъ земскимъ содержаніемъ. Рѣшено было Ставропольской губерніи не упразднять, а содержаніе областямъ создать посредствомъ учрежденія въ ихъ предѣлахъ двухъ казачьихъ войскъ на томъ же географическомъ основаніи и подъ тѣми же наименованіями, какъ были сочинены и области. Новаго создать тутъ ничего не приходилось, требовалось только перестроить существовавшія уже два казачьи войска, Кавказское и Черноморское. Къ существованію этого, первыя шесть бригадъ Кавказскаго и все населеніе Черноморскаго войскъ, то есть казачество кубанскаго бассейна составляло войско Кубанское, а тоже казачество терскаго бассейна—войско Терское. Отличительные цвѣта въ обмундированіи присвоены—первому красный, а послѣднему голубой. Войсковое правленіе и другія высшія учрежденія Кавказскаго Линейнаго войска отошли къ войску Терскому. Оно же наслѣдовало и архивъ Кавказскаго войска. Для кубанскаго же войска остались въ дѣйствіи высшія учрежденія бывшаго войска Черноморскаго. Званіе наказнаго атамана войска кубанскаго присвоено командующему войсками кубанской области, а какъ въ это время одно и тоже лицо (генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ) было командующимъ войсками и терской области, то въ терское войско былъ назначенъ къ исправленію должности на-

казнаго атамана начальникъ штаба упраздненнаго войска Кавказскаго.

Образованіе двухъ казачьихъ войскъ на Кавказѣ, получившихъ именованія по двумъ второстепеннымъ рѣкамъ края, совершилось въ 1861 году. Десять почти лѣтъ послѣ этого событія, пока терская область составляла одинъ только географическій терминъ, нынѣшнее Терское войско продолжало существовать тѣмъ же строемъ, какимъ жило оно въ составѣ Кавказскаго Линейнаго войска, по войсковому положенію 1845 года. Наконецъ, въ 1870 году была фактически образована Терская область «изъ земель терскаго казачьяго войска, крестьянъ и горскихъ округовъ», со введеніемъ управленія «на основаніи общаго губернскаго учрежденія». Должность начальника области соединена съ должностью наказнаго атамана въ одномъ лицѣ; общественныя учрежденія въ станицахъ подчинены окружнымъ (уѣзднымъ) и городскимъ полиціямъ области. Введены судебные уставы 20 ноября 1864 года *). Войсковое сословіе вступило въ тѣже административныя формы гражданской жизни, въ какихъ живутъ другія сословія въ государствѣ. Но по военной части, въ томъ же 1870 году, изданo особое положеніе, которымъ строевой составъ войска и самый способъ отбыванія воинской повинности измѣнены кореннымъ образомъ. Вмѣсто поголовной службы по старому уставу и обычаю, выдѣленъ изъ общей цифры мужскаго населенія извѣстный контингентъ, обязанный отбывать воинскую повинность, а остальные люди служебнаго возраста обращены въ «неслужилый разрядъ» съ обязательствомъ платить, взамѣнъ службы, денежный налогъ въ войсковую казну. Что до строевой организаціи войска, то, не упоминая объ артиллерійскихъ и другихъ частяхъ, скажемъ только, что на мѣсто пяти бригадъ, отошедшихъ отъ кавказскаго линейнаго войска, образовано пять конныхъ полковъ четырехсотенныхъ, съ тройнымъ численнымъ составомъ: во первыхъ, для того, чтобы казакъ, при мирномъ теченіи государственной жизни, имѣлъ за одинъ годъ службы, два года льготы, и, во вторыхъ, чтобы въ случаѣ войны къ каждому изъ пяти полковъ можно было прибавить еще

*) См. два имен. высоч. указа, данные правит. сенату въ одинъ день, 30 декабря 1869 года.

два. Полкамъ оставлены ихъ историческія имена. Имена эти исчислены въ началѣ настоящаго очерка.

Кавказскій казакъ слишкомъ много пережилъ невзгодъ, слишкомъ много принесъ жертвъ за время кавказской войны (начало которой онъ считаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ какъ это дѣлаютъ ученые описатели ея), чтобы не принять совершившіяся въ его судьбѣ перемѣны съ глубокой покорностью своему долгу. Онъ благословилъ государственныя и сословныя улучшенія, коснувшіяся всего, что носило на себѣ печать рабства и народнаго удрученія. Радостно ощутилъ онъ ослабленіе своего безвыходнаго прикрѣпленія къ войсковому сословію, по давно отжившему стрѣлецкому уряду,—отмѣну неумолимаго приговора: умри тѣмъ, чѣмъ ты родился. Эта безвыходность, не оставлявшая изъятія ни для какой выслуги и распространявшаяся даже на женскую личность казачьей касты, глушила дарованія, упрятывала таланты въ землю, ибо извѣстно, что не бываетъ пророка въ своей землѣ, и что самое растеніе не переходитъ въ состояніе культуры безъ пересадки изъ той почвы, на которой оно прозябло. Но это не все: съ расторженіемъ сословныхъ оковъ даровано право недвижимой собственности, а до того было такъ, что домъ, построенный обывателемъ не на воздухѣ, конечно, а на землѣ, признавался его собственностью, а земля подъ домомъ нѣтъ. Снятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскій запретъ, чтобы никто къ намъ и мы ни къ кому: открыто право гражданства и осѣдлости иносословному человѣку въ казачьемъ обществѣ, и иносословный согражданинъ подсобитъ казаку въ земской тяготѣ, а не то и въ обработкѣ его нивы. Сокращенъ срокъ службы и дана чистая отставка, каковой прежде ни простому, ни чиновному казаку не полагалось. Съ окончаніемъ кавказской войны не стало живой школы для боеваго развитія казака, но ее замѣнила другая, уже не столько суровая и болѣе просвѣтительная школа— «щобъ бувъ казакъ, а не мугирь» *). Терскій казакъ не сдѣлался мугиремъ, и духъ кавказскаго линейнаго казака несомнѣнно живетъ въ немъ среди новаго уклада гражданской жизни войска. Этотъ крѣпкій духъ, по старому готовый на всякія жертвы, сказался въ поголовномъ снаряженіи терцевъ

*) Стихъ изъ перелицованной Энеиды Котляревскаго.

на войну, недавно нами пережитую. Крайняя тягость этого снаряженія, съ одной, и равное ей одушевленіе, съ другой стороны, засвидѣтельствованы атаманскимъ приказомъ по терскому войску отъ 22 ноября 1876 года (№ 20), въ такихъ словахъ: «Знаю, товарищи, чего вамъ стоило это снаряженіе послѣ бѣдствій, постигшихъ край въ нынѣшнемъ году: послѣ майскихъ морозовъ, уничтожившихъ сады, послѣ засухи, доведшей до совершеннаго безплодія ваши луга и нивы, послѣ саранчи, унесшей многіе посѣвы на кизлярскихъ низменностяхъ. Знаю, что отцы выводили на продажу послѣдній скотъ, для того чтобы купить коней сыновьямъ, что жены ваши, оставляя дѣтей, сами становились за плугъ. Совершить это могла только присущая вамъ вѣковая казачья доблесть, въ одной лишь смерти находящая преграду къ исполненію державной воли Царской! Честно исполнивъ свой долгъ, вы стали выше всякихъ похвалъ и не мнѣ благодарить васъ, товарищи: вашу службу не забудетъ батюшка Царь, съумѣетъ оцѣнить ее мать Россія. Вашъ Атаманъ можетъ только гордиться вами. Васъ первыхъ, изъ всего русскаго казачества, осчастливилъ словомъ призыва со льготы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ чрезъ Августѣйшаго Намѣстника: не сомнѣваюсь, что и въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ на васъ, какъ въ былые годы Кавказскихъ битвъ, съ удивленіемъ и гордостью посмотрятъ братья—казаки со всѣхъ концовъ земли русской».

III.

Очеркъ современнаго положенія юбилею Терскаго казачьяго войска.

Такъ сложилось то цѣлое, которому имя въ настоящее время «Терское казачье войско».

Колонизаціонный періодъ его, какъ шагъ за шагомъ изображено на предъидущихъ страницахъ, продолжался слишкомъ 300 лѣтъ. Это былъ какъ бы физическій ростъ организма, и мы покажемъ здѣсь въ краткихъ чертахъ до какихъ размѣровъ онъ теперь достигъ и какъ выражается его жизненная сила. *)

Территорія войска занимаетъ 1,949,610 десятинъ, или 18,650 кв. верстъ, что составляетъ около $^1/_3$ всего пространства Терской Области. При взглядѣ на карту не трудно замѣтить, что самое расположеніе этого владѣнія отвѣчаетъ ходу завоевательной колонизаціи края.

Наибольшая часть казачьихъ земель почти сплошною массою простирается по лѣвому берегу Терека отъ поворота его на востокъ у станицы Екатериноградской до Каспійскаго моря. Эти-то 300 верстъ по историческому Тереку — «Горинычу» и называется въ народѣ «Старая линія». Къ западу — занятъ лѣвый же берегъ Малки до пересѣченія ея большимъ путемъ отъ Пятигорска къ Нальчику, въ старину проложеннымъ по всей вѣроятности по нуждѣ «подвинуться» къ горамъ Затѣмъ, станицы образованныя

(*) Желающимъ ближе познакомиться съ положеніемъ казачьихъ станицъ, рекомендуемъ „Статистическія монографіи по изученію современнаго быта Терскаго казачьяго войска, изд. 1881 года". Складъ этаго изданія находится въ Владикавказѣ, при Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи; продается также въ Петерб. въ книжн. магазинѣ Мартынова.

въ 1830 годахъ изъ бывшихъ военныхъ поселеній, охранявшихъ сообщеніе съ Грузіей и малороссійскихъ казаковъ, разъединяя Большую и Малую кабарду, владѣютъ узкой полосой по лѣвому топкому берегу Терека до Владикавказа; а отсюда казачьи владѣнія вновь пошли на востокъ треугольникомъ, склоненнымъ между Терскимъ хребтомъ горъ и Сунжей къ устью этой рѣки и мѣсту бывшаго перваго русскаго города Терки.

Не будемъ говорить о свойствахъ почвы, климатическихъ условіяхъ и естественныхъ богатствахъ очерченнаго пространства и, замѣтивъ только, что не для восхищенія красотами величественной Кавказской природы явилось сюда казачье населеніе, объяснимъ его численность, племенной составъ и главнѣйшіе виды службы въ наше время.

Всѣхъ жителей войска считается 131,560 душъ обоего пола собственно казачьяго сословія, изъ другихъ же сословій проживаетъ по станицамъ до 6/тыс. душъ,—что вмѣстѣ и составитъ 137,560 человѣкъ.

Слѣдовательно на одну квадр. версту приходится $7,_4$ душъ. Густота населенности ложится слабо рѣдѣющею тѣнью съ З. на В., подчиняясь отчасти общему движенію переселенія изъ малоземельныхъ русскихъ губерній, а отчасти завися отъ свойства и положенія самыхъ земель, которыя чѣмъ ближе подходятъ къ низовьямъ Терека, тѣмъ меньше представляютъ мѣстъ, удобныхъ для земледѣльческой осѣдлости. Къ востоку отъ линіи, проходящей чрезъ Владикавказъ и Моздокъ, на казачьихъ земляхъ при-теречныхъ станицъ появляются голые пески, которые, постепенно увеличиваясь и смѣняясь въ низовьяхъ рѣки сплошными болотными камышами, съуживаютъ полосу хозяйственно годныхъ земель до того, что служащіе казаки Кизляро-Гребенскаго полка «во вниманіе скудости владѣемыхъ ими земель» до сихъ поръ удерживаютъ издревле пожалованную имъ Правительствомъ двойную дачу провіанта на продовольствіе какъ себя, такъ и остающихся дома семействъ своихъ. Такое качественное свойство войсковыхъ земель отчасти и уровновѣшиваетъ кажущееся многоземелье казаковъ предъ другими сословіями, населяющими Терскую область, въ цѣломъ составѣ которой на 52,121 квадратную версту поверхности

приходится 610,773 души обоего пола, или 11,$_7$ человѣкъ на одну квадр. версту. *)

Въ отношеніи къ общему итогу областнаго населенія казаки составляютъ 21,$_4$%, немногимъ болѣе $^1/_5$ части, число же горскихъ народовъ, входящихъ въ этотъ итогъ, простирается до 380/т. душъ обоего пола, что составитъ 62,$_2$% общаго числа жителей области.

Такимъ образомъ, въ племенномъ составѣ областнаго населенія Терское войско играетъ роль преобладающаго русскаго элемента, такъ какъ русскихъ въ области считается всего 230/т. душъ обоего пола, включая сюда города, временно-проживающихъ разночинцевъ и крестьянъ нѣсколькихъ селеній въ Кизлярскомъ округѣ Этихъ послѣднихъ, какъ собственно русско-земскихъ людей, подобно казакамъ, въ области, считается всего до 15/т человѣкъ.

По отношенію къ числу горцевъ всѣхъ туземныхъ племенъ казаки составляютъ 34,$_6$%, т. е. нѣсколько болѣе $^1/_3$ части ихъ. Въ смыслѣ политической прочности и военной безопасности казачьи станицы съ ихъ территоріей по прежнему представляютъ единственные базисы, не опирающіеся нигдѣ на сплошное русское населеніе, а лишь примыкая къ нему на крайнемъ западѣ своей территоріи чрезъ кубанскія станицы Суворовскую и Бекешевскую и соприкасаясь съ лежащими на лѣвой сторонѣ Кумы селеніями Ставропольской губерніи. Со всѣхъ же другихъ сторонъ терскія станицы окружены горцами Терской области, примыкающими на юго-востокѣ къ Дагестану, а на сѣверѣ къ кочующимъ Каранагайцамъ и калмыкамъ.

Обратимся теперь къ даннымъ, характеризующимъ самый составъ казачьяго населенія и положеніе его въ области, а также смыслъ отправляемыхъ войскомъ службъ и повинностей неотразимо вліявшихъ какъ въ продолжительную завоевательную эпоху, такъ и теперь вліяющихъ на всѣ стороны станичнаго быта.

Изъ вышеприведеннаго историческаго очерка постепеннаго

*) Эти общія цифры пространства и населенія заимствованы изъ Сборника Свѣдѣній о Терской области, составленнаго въ 1878 году Н. А. Благовѣщенскимъ.

образованія отдѣльныхъ частей Терскаго войска мы видѣли уже, что, кромѣ первоначально осѣвшихъ по гребнямъ Терской долины и въ Трехстѣнномъ приморскомъ городѣ горсти русскихъ и добровольно примыкавшихъ къ нимъ охочихъ людей, составляющихъ нынѣ Кизляро-Гребенской полкъ, всѣ остальные полки населялись затѣмъ по распоряженіямъ и видамъ Правительства чрезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени изъ переселенцевъ съ Волги, Дона и другихъ мѣстъ нашего отечества. Желая сгруппировать и освѣтить сколько нибудь вопросъ о томъ, сколько же и какихъ элементовъ осталось въ войскѣ отъ стараго времени, мы предприняли въ юбилейный годъ, по мысли почтеннаго автора «Терскихъ казаковъ», тщательное изслѣдованіе по этой части. Изъ добытыхъ нами свѣдѣній, сохранившихся частію въ народной памяти, частію уцѣлѣвшихъ въ станичныхъ архивахъ, оказалось, что по числу семействъ, водворенныхъ при основаніи и разновременно прибывавшихъ къ нимъ добавленій, составные элементы войсковаго населенія представляютъ слѣдующее процентное между собой отношеніе:

ПОЛКОВЫЕ ОКРУГА	Казаковъ великорусскаго племени: гребенскихъ, донскихъ и волгскихъ.	Казаковъ и крестьянъ малороссійскихъ губерній.	Крестьянъ великорусскихъ губерній.	Солдатъ отставныхъ и военныхъ поселеній.	Инородцевъ.
Кизляро-Гребенской	64,8.	24,4.	2,1.	1,5,	7,2.
Горско-Моздокск.	47,2.	28,9.	18,7.	0,9.	4,3.
Волгскій	28,4.	26,1.	42,4.	3,1.	»
Владикавказскій.	27,6.	46,1.	4,1.	22,2.	»
Сунжинскій . . .	77,1.	7,5.	1,4.	14,0.	»
Итого въ войскѣ	49,1.	26,6.	13,7.	8,3.	2,3.

Краткая таблица эта многое уяснить можетъ какъ за прошедшій періодъ колонизаціоннаго движенія, такъ и при подроб-

номъ разсмотрѣніи установившихся среди казачьяго населенія видовъ хозяйства, различныхъ формъ земельнаго пользованія, общественнаго станичнаго самоуправленія, внутреннихъ распорядковъ и вобще бытоваго склада. Не останавливаясь однакожъ на такомъ значеніи представленной таблицы, объяснимъ лишь нѣкоторыя бросающіяся въ глаза цифры. Такъ, инородческій элементъ въ Кизляро-Гребенскомъ полку составляютъ теперь почти одни грузины, живущіе въ станицахъ Шелковской и Александроневской. Куда же дѣвались кумыки, кабардинцы и другіе туземцы, наполнявшіе составъ стараго Терскаго-Кизлярскаго войска? Они исчезли или чрезъ отпаденіе, или чрезъ поглощеніе: первое совершилось переходомъ изъ казачества въ другія сословія, а послѣднее принятіемъ христіанства и обрусеніемъ. Не упустимъ изъ вида, что тамъ всегда состоялъ особый классъ служилыхъ казаковъ подъ именемъ «Новокрещеновъ,» —чрезъ этотъ-то классъ и совершался послѣдній процессъ. Что происходило въ крѣпкомъ вѣрѣ и завѣту праотцевъ населеніи Гребней, то же было и въ низовьяхъ Терека. Доказательство тому мы находимъ нынѣ въ обѣихъ мѣстностяхъ въ типѣ лица и общаго сложенія и въ нѣкоторыхъ чертахъ домашняго обихода, какъ напримѣръ, употребленіе арбы, будничная сакля на ряду съ праздничнымъ куренемъ и т. п.

Въ Горско-Моздокскомъ полку инородческій элементъ составляютъ выходцы изъ Кабарды и Осетіи, живущіе нынѣ въ станицахъ Луковской, Осетинской и Черноярской.

Значительнымъ контингентомъ въ Волгскомъ полку являются крестьяне великорусскихъ губерній, вслѣдствіе образованія немалаго числа станицъ среди коренныхъ волгскихъ казаковъ изъ гражданскихъ селеній Ставропольской губерніи.

Владикавказскій полкъ состоитъ на половину изъ малороссовъ, не забывавшихъ казачества, угасшаго во второй половинѣ прошлаго вѣка по днѣпровскому бассейну. Присутствіе здѣсь солдатскаго элемента объясняется обращеніемъ военныхъ поселеній, стоявшихъ по главному грузинскому тракту, въ казачье сословіе.

Сунжинскій полкъ вмѣщаетъ въ себѣ наибольшій процентъ чистыхъ казаковъ изъ людей не прямо изъ Россіи пришедшихъ, а такъ сказать три раза оказачившихся по-кавказски. Онъ за-

селенъ казаками, по охотѣ и жребію переселявшимися изъ Донскаго войска и съ двухъ линій бывшаго Кавказскаго линейнаго войска Терской и Кубанской. Взаимное отношеніе тѣхъ и другихъ таково: съ Дона прибыло 697 семействъ, съ Терека, преимущественно изъ Моздоцкаго полка 1603 и съ Кубани 670 семей. Не этимъ ли тройственнымъ подборомъ и предшествовавшей закаленностью въ бояхъ и тревогахъ объясняется та смѣлость, съ какою занята была передовая Сунжинская линія въ періодъ самаго крѣпкаго могущества Шамиля и разгара фанатизма его мюридовъ? Не здѣсь ли кроется та стойкость, съ какою переносятъ эти станицы свое положеніе въ треугольникѣ, окруженномъ совсѣхъ сторонъ все еще не гостепріимнымъ мусульманскимъ населеніемъ?

Представивъ такимъ образомъ бѣглый отчетъ о пространствѣ и положеніи земель, равно и о числѣ и составѣ населенія, какъ о мѣрѣ достигнутаго Терскимъ войскомъ роста, естественно остановиться теперь на показаніи, какою ростъ этотъ сопровождался дѣятельностію, какіе претерпѣвалъ болѣзненные процесы, или же напротивъ, проявлялъ мощь и силу—задатки долговѣчности.

Желающіе имѣть обстоятельные отвѣты на эти вопросы, могутъ найти ихъ въ вышеуказанномъ историческомъ трудѣ П. Д. Попко; впрочемъ они уже отчасти намѣчены и во вступительномъ къ тому труду очеркѣ, на предъидущихъ страницахъ представленномъ нами вполнѣ. Здѣсь мы ограничимся объясненіемъ военной организаціи войсковыхъ частей, видовъ службы и боевой ихъ способности противустоять крайнимъ испытаніямъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Мы знаемъ уже, какимъ числомъ людей опредѣляется боевой контингентъ войска въ настоящее время. Больше этого числа неоднократно становилось подъ ружье противъ угрожающаго непріятеля, меньше едвали когда нибудь. Не отошло еще, въ особенности на Сунжѣ, то поколѣніе, которое съ молокомъ матери всасывало привычку къ тревогѣ и отвагу, которое съ пятнадцати лѣтъ становилось подъ ружье у воротъ станицы, у вѣстовой пушки, а не то въ ночномъ секретѣ по рѣчному берегу. Съ плѣномъ Шамиля стало легче. Въ концѣ 1860 годовъ позволено было не

поправлять рвовъ и колючей огорожи станицъ. Теперь почти уже изчезли и слѣды этихъ оградъ и валовъ, устройство и исправное состояніе которыхъ, составляло паевую повинность каждаго двора. Сообразно смѣнѣ событій уменшилась и численность дѣйствующаго служилаго состава. Войску, по положенію 1870 года, опредѣлено имѣть, и въ дѣйствительности находится на строевой службѣ, въ мирное время 5 четырехсотенныхъ полковъ, а въ военное 15, 2 конно-артиллерійскія батареи по шести орудій и одинъ Гвардейскій эскадронъ въ собственномъ Его Величества конвоѣ, всего: по мирному положенію 3708 человѣкъ;— что составляетъ $5,_5\%$ ко всему населенію мужескаго пола, а къ полнорабочимъ возрастамъ его отъ 19 лѣтъ $11,_{08}\%$,—при мобилизаціи же 11/т чел., или $16,_4$ и $32,_8\%$ изъ того же населенія.

На строевую службу призываются всѣ казаки съ 19 лѣтняго возраста, за исключеніемъ, по строгомъ медицинскомъ освидѣтельствованіи, неспособныхъ, и проходятъ ее одинъ годъ въ приготовительномъ разрядѣ, пять лѣтъ въ дѣйствующемъ строевомъ составѣ и десять лѣтъ въ льготномъ, числясь послѣдовательно во 2 и 3-й очереди призыва на случай войны, въ мирное же время отправляя только нѣкоторыя станичныя службы. Въ теченіи служебнаго періода казакъ обязанъ имѣть въ первые десять лѣтъ собственную строевую лошадь и все казачье снаряженіе за исключеніемъ ружья, которое на срокъ дѣйствительной службы, а льготнымъ какакамъ—на время ежегодныхъ лагерныхъ сборовъ, выдается изъ войсковаго арсенала. Полки комплектуются территоріально съ извѣстнаго числа станицъ полковаго округа; въ гвардейскій же эскадронъ и конно-артиллерійскія батареи поступаютъ отборные люди уравнительно со всѣхъ 70 станицъ войска. Служба строевыхъ полковъ заключается главнѣйшимъ образомъ въ содержаніи охранительныхъ кордоновъ по главнымъ дорожнымъ сообщеніямъ и мѣстамъ почему либо опаснымъ въ самой области, и по азіятскихъ границамъ внѣ ея. Въ настоящее время съ этою цѣлію и находится три полка въ Терской области, а два (Волгскій и Горско-Моздокскій) въ закавказьи.

Таково положеніе 11% взрослаго мужскаго населенія войска; изъ остальныхъ 89% малолѣтки отъ 17 до 19 лѣтъ и прошед-

шіе строевой пятнадцатилѣтній срокъ казаки, зачисляемые на семь лѣтъ въ запасъ, или въ разрядъ внутреннослужащихъ, несутъ обще-земскія повинности, какъ то: содержаніе сельской почты и этаповъ, исправленіе дорогъ и кордонныхъ помѣщеній, выставленіе обывательскихъ подводъ для войскъ и командъ. Они же, натуральнымъ нарядомъ по очереди, отправляютъ общественныя станичныя повинности, вызываемыя организаціей мѣстнаго управленія и общими хозяйственными пользами и нуждами по самоохранѣ и благоустройству. Два послѣдніе вида повинностей, т. е. земскія и общественныя (станичныя) въ главныхъ чертахъ аналогичны съ тѣми обязанностями, что возлагаются на сельскихъ обывателей вообще въ Россіи уставомъ о земскихъ повинностяхъ. Исключеніемъ является развѣ то, что въ Терской Области не установленъ уравнительный денежный сборъ на всѣ сословія для удовлетворенія общеземскихъ нуждъ по заранѣе составленной смѣтѣ и какъ до умиротворенія края, такъ и въ настоящее время земская напримѣръ почта стоющая болѣе 40 т. рублей и другія земскія повинности лежатъ главнымъ образомъ на казачьемъ населеніи. Общественныя повинности усложняются, сравнительно съ русскими губерніями, исключительными условіями мѣстоположенія, особенно Сунжинскихъ станицъ, среди разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ горскихъ народовъ, не отрѣшившихся еще окончательно отъ прежнихъ превычекъ, а потому и увеличивающихъ бдительность со стороны сосѣдняго казачьяго населенія, въ ущербъ успѣху въ хозяйственныхъ его занятіяхъ. Изъ надтеречныхъ же поселеній, станицы, лежащія въ низовьяхъ рѣки, начиная отъ Щедринской, кромѣ обычныхъ на ряду съ другими повинностей, сторожатъ отъ наводненій и укрѣпляютъ берега Терека, затрачивая на это до 50 т. рабочихъ дней ежегодно.

Таково современное юбилейной эпохѣ военное и земское значеніе Терскаго казачьяго войска въ области. Болѣе подробную картину этого значенія представитъ современемъ уже задуманное по широкому плану описаніе войска въ статистическомъ, экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ; мы же, приближаясь къ заключительному слову, не можемъ не выразить, что едва ли гдѣ встрѣчается столь поразительный контрастъ между высшей идеей

культурнаго существованія и обыденной житейской дѣйствительностью, какъ на этомъ рубежѣ, гдѣ русскій казакъ, человѣкъ беззавѣтной отваги, сталъ на вѣковую борьбу съ хищникомъ, укрытымъ въ горныхъ дебряхъ и трущобахъ. Борьба длилась три вѣка, и наконецъ вопросъ: «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ»—рѣшенъ; многотрудная задача выполнена, но она поставила на очередь другую, высшую: устроить мирное гражданское существованіе и воспользоваться благами величественной кавказской природы, для счастья и прогресса. Читатель естественно спроситъ празднующихъ свѣтлый праздникъ прожитаго трехсотлѣтія: что же сдѣлано, какой успѣхъ достигнутъ по выполненію этой высшей задачи? Не можемъ сказать, чтобы сдѣлано было много, но и сама справедливость требуетъ замѣтить, что для этого еще не было достаточно мирнаго досуга.

Колонизація, или что тоже, устроеніе войска, начавшееся съ половины XVI вѣка, продолжалось до конца 1850 годовъ, когда съ образованіемъ 2-го Владикавказскаго и 2-го Сунжинскаго полковъ окончилось заселеніе лѣсогорнаго пространства по верховьямъ рр. Сунжи, Камбилеевки, Ассы и Фортанги. Разростаясь за это время путемъ выдѣленія изъ себя большихъ или меньшихъ частей осѣдлаго населенія для образованія новыхъ отраслей такого же населенія на другой почвѣ и находясь такимъ образомъ въ постоянномъ бытовомъ колебаніи, помимо нравственнаго отъ непрерывныхъ военныхъ тревогъ, Терское войско естественно не могло сосредоточенно возрастать и совершенствоваться въ экономическомъ и гражданскомъ отношеніи. Нѣкоторая возможность подобнаго развитія явилась для него только съ 1860 годовъ, но и тутъ возникали время отъ времени волненія окружающихъ горцевъ, а тогда, какъ бы въ противовѣсъ проявляемому ими фанатизму, и въ казакахъ пробуждался всеохватывающій духъ войны, отодвигая другія стремленія и начинанія на задній планъ. Великій поэтъ, память котораго праздновалась такъ недавно, пророчилъ вѣрно:

Подобно племени Батыя,
Смирится некогда Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.

Да, пророчество вѣрно, но для исполненія его требуются годы и многіе годы. И быть можетъ столько же годовъ суждено еще терскому казаку держать руку близко къ оружію на счетъ мирной культуры. Перечислимъ одни главнѣйшіе эпизоды потрясеній спокойнаго развитія жизни терскаго казачества со времени формальнаго покоренія Восточнаго Кавказа и плѣна Шамиля въ 1859 году. Ихъ было четыре, а именно: въ 1861 году возмущеніе на Аргунѣ подъ предводительствомъ Умы Атабая, въ 1864 году возстаніе чеченцевъ съ Кунтою во главѣ, въ 1867 году волненіе въ Ичкеріи по призыву Тазу и наконецъ возстаніе поднятое Алибекомъ въ 1877 году.

Первыя три, происшедшія вскорѣ послѣ умиротворенія края, остававшагося еще на военномъ положеніи съ значительнымъ контингентомъ войскъ, не имѣли большаго распространенія, и мы пройдемъ ихъ молчаніемъ; возстаніе же 1877 года, возникшее чрезъ болѣе значительный промежутокъ времени, и притомъ въ періодъ разгара минувшей войны съ Турціей, когда казачье населеніе предоставлено было почти только собственной защитѣ, можетъ отчасти дать понятіе о томъ именно состояніи, въ которомъ находился Терскій край въ теченіи трехвѣковыхъ усилій укрѣпить его за Россіей, а потому мы подробнѣе и остановимся на немъ.

Послѣ десяти лѣтъ относительнаго спокойствія или отдыха, теченіе мирной жизни Терскаго казачества было нарушено, и на этотъ разъ болѣе сильнымъ, чѣмъ три предшествующія, потрясеніемъ, войною Россіи съ Турціею 1877 года. Прочитанный нами выше приказъ Наказнаго Атамана отъ 22 октября 1876 года въ немногихъ правдивыхъ и выразительныхъ словахъ изображаетъ размѣръ и значеніе тѣхъ жертвъ, которыя должны были принести Терскія казаки на быстрое снаряженіе къ походу пяти полковъ перваго льготнаго комплекта. За выступленіемъ этихъ пяти полковъ въ Закавказье, въ добавокъ къ двумъ тамъ постоянно отбывающимъ службу, и еще одного полка на Дунай, въ области осталось всего два дѣйствующихъ казачьихъ полка, занимавшихъ главныя линіи почтовыхъ сообщеній весьма рѣдкимъ и растянутымъ кордономъ, да разсѣянные по семидесяти станицамъ войска

люди льготныхъ полковъ втораго комплекта, по положенію необязанные имѣть лошадей. Затѣмъ старики, женщины и дѣти.

При такихъ обстоятельствахъ, въ апрѣлѣ 1877 года вспыхнуло возстаніе горцевъ, грозившее на первыхъ порахъ охватить всю область общимъ, страшнымъ пожаромъ. Войскъ регулярныхъ было въ области очень мало, притомъ же они находились въ періодѣ мобилизаціи, когда кадры, готовясь принять въ себя прибывающихъ еще не вооруженныхъ резервистовъ, наименѣе способны къ быстрымъ военнымъ операціямъ. Защитить этими войсками каждую изъ казачьихъ станицъ не было ни малѣйшей возможности. Между тѣмъ почти что всѣ станицы, расположенныя по линіи Терека напротивъ чеченскихъ ауловъ, а тѣмъ болѣе по теченію Сунжи, между двумя рядами чеченскихъ поселеній, подвергались самой серьезной опасности. Къ каждой изъ нихъ въ одну ночь могла пробраться тысячная и даже болѣе сильная партія, скрытно собравшаяся въ черныхъ горахъ, подъ прикрытіемъ непроницаемой завѣсы лѣсовъ, съ тѣмъ чтобы выжечь станицу и перерѣзать жителей. Единственная защита, которую могъ оказать казачьему населенію Командующій войсками въ области, заключалась въ угрозѣ чеченцамъ безпощадно уничтожать аулы, ближайшіе къ станицѣ, которая подверглась бы нападенію. Затѣмъ, предоставленные собственной охранѣ, какъ нерѣдко бывало и въ долгій періодъ кавказской войны, жители станицъ вооружились отъ мала до велика и цѣлое лѣто провели въ готовности дать дружный казачій отпоръ всякому враждебному покушенію. Тѣмъ не менѣе населеніе, еще не отвыкшее вести хозяйство съ оружіемъ въ рукахъ, собрало сполна хотя и не обильный урожай этого тяжелаго года и къ концу августа выставило въ полной боевой готовности еще пять конныхъ полковъ втораго льготнаго комплекта. Всего болѣе подвергалась опасности врѣзавшаяся въ самую среду чеченскихъ поселеній, на правомъ берегу Сунжи, станица Умаханъ-Юртовская. За нее цѣлое лѣто болѣло сердце Командующаго войсками—Наказнаго Атамана. Въ самый мятежный для насъ періодъ возстанія, 21 апрѣля, въ эту станицу онъ безъ конвоя прискакалъ къ собранному тамъ малочисленному отряду, долженствовавшему, вмѣстѣ съ другимъ,

прикрыть Чечню отъ надвигавшихся съ горъ скопищъ Алибека. Бой 22 апрѣля подъ Маюртупомъ рѣшилъ дѣло въ нашу пользу, но одной сотни казаковъ, которою располагали соединенные отряды, было недостаточно для того, чтобы довершить пораженіе. Разбитыя, вогнанныя въ горы, но не уничтоженныя толпы 26 апрѣля вновь сошли на плоскость и двинулись къ аулу Шали, присоединивъ который къ своему дѣлу, Алибекъ думалъ провозгласить себя имамомъ у священнаго источника Ханкальскихъ высотъ. Непринятыя Шалинцами шайки мятежниковъ направились оттуда черезъ большую Чечню въ Качкалыковскіе аулы, гдѣ надѣялись, и не безъ основанія, встрѣтить большій успѣхъ. Въ лѣсу между аулами Герменчукъ и Автуры случайно наткнулись они на сотню Гребенцовъ, составлявшую авангардъ двигавшагося къ Эрсеною отряда Съ ожесточеніемъ ринулись мятежники на эту горсть людей, въ которой предполагали несомнѣнную легкую добычу. Но [illegible]жные три залпа изъ только что полученныхъ казаками берда- [illegible] З показали горцамъ, что достойные славныхъ своихъ преданій [illegible]аки способны дать отпоръ и въ десятеро сильнѣйшему противнику. Потрясая въ воздухѣ дорогимъ для нихъ оружіемъ, радостнымъ гикомъ провожали Гребенцы бѣжавшаго по всѣмъ направленіямъ противника.

Цѣлое лѣто 1877 года, въ составѣ нѣсколькихъ отрядовъ, охраняли Терскіе казаки плоскостную часть области, всегда во время появляясь тамъ, гдѣ была въ нихъ наибольшая надобность. Съ наступленіемъ осени началось преслѣдованіе и добиваніе шаекъ, скрывавшихся въ лѣсныхъ тѣснинахъ черныхъ горъ,—Терцы и здѣсь, какъ на плоскости, шли во главѣ, служа какъ бы путеводителями пѣхотныхъ колонъ. Ловкость и смѣтливость ихъ достигли того, что хорошо оцѣнившій эти качества Наказный Атаманъ—Командующій войсками настоятельно указывалъ частнымъ начальникамъ, что при преслѣдованіяхъ у насъ не должно быть потерь, говоря что при томъ нравственномъ преобладаніи, котораго достигли мы надъ противникомъ, потери могутъ быть только результатомъ оплошности. Славные подвиги этой компаніи Терцы завершили вступленіемъ, въ составѣ нѣсколькихъ отрядовъ, въ Дагестанъ, гдѣ при участіи ихъ и нанесены послѣдніе удары мя-

тежникамъ, положившіе конецъ возстанію 1877 года въ горахъ Сѣвернаго Кавказа.

Таковы были перерывы и потрясенія мирной жизни, пережитые еще такъ недавно казачьимъ населеніемъ. Не говоря уже о послѣдствіяхъ, о вліяніи, такихъ тревогъ на хозяйственную и гражданскую сторону жизни, вліяніи оставляющемъ болѣе или менѣе продолжительный слѣдъ,—невольно проникаешься благоговѣйнымъ изумленіемъ къ тѣмъ поколѣніямъ, которыя переживали подобныя тревоги непрерывно въ теченіи трехъ столѣтій! О древнѣйшихъ изъ нихъ въ памяти потомковъ остаются лишь смутныя преданія, но предъ живущими еще ясны величавые образы вождей—вдохновителей, каковы: Волжинскій, Круковской, Сусловъ, Камковъ, Слѣпцовъ, казакъ Хвацкій—и многихъ другихъ, стоявшихъ въ ратныхъ рядахъ съ ними

Самоотверженные подвиги ихъ, беззавѣтная удаль и отвага, послужившія какъ для славы оружія, такъ равно для мира и прогресса, долго еще не умрутъ въ памяти народной и будутъ вдохновлять насъ на лучшіе подвиги!...

И такъ, трехвѣковые бойцы—товарищи:

Вы грудью для Россіи пролагали
Впередъ на Югъ широкій, славный путь.
Свой долгъ всегда вы съ честью исполняли
И триста лѣтъ вамъ есть чѣмъ вспомянуть!...

С. Писаревъ.

Сентябрь 1881 года.
Владикавказъ.

ВѢДОМОСТЬ

знаменамъ и прочимъ знакамъ отличія, имѣющимся въ Терскомъ казачьемъ войскѣ и въ составляющихъ его частяхъ прежняго и современнаго наименованія.

Обозначеніе знаменъ и знаковъ отличія.	Когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе или другія распоряженія, о пожалованіи знаменъ и знаковъ отличія.
Пожалованныя всему войску.	
1. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи бѣлаго цвѣта. По краямъ знамени надпись: „за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ французовъ, англичанъ и турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ“. Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ срединѣ крестомъ и двумя серебрянными кистями на георгіевской лентѣ. Знамя это Высочайше пожаловано бывшему Кавказскому Линейному казачьему войску и, съ раздѣленіемъ его на Кубанское и Терское, поступило въ сіе послѣднее.	О пожалованіи этого знамени состоялось Высочайшая грамота 26-го Августа 1856 года.
Съ покореніемъ западнаго Кавказа и съ окончаніемъ Кавказской войны, въ 12 день іюля 1864 года, Всемилостивѣйше пожалована Терскому казачьему войску грамота о сокращеніи для всѣхъ чиновъ онаго срока обязательной службы, до 15 лѣтъ полевой и 7 лѣтъ внутренней.	
3. Георгіевское знамя съ надписью: „за отличіе въ турецкую войну 1877—78 г.“	Высочайшая грамота 30 Августа 1880 г.
4. Георгіевское знамя съ Александровскою лентою и съ надписями, вокругъ „въ память трехсотлѣтняго существованія Терскаго казачьяго войска“, и подъ орломъ „1577—1877“.	Высочайшая грамота 30 Августа 1881 г.
Пожалованныя войсковымъ частямъ.	
I. Лейбъ-гвардіи Терскому казачьему эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя.	
1. Георгіевскій штандартъ, съ надписью „за отличную боевую службу Терскаго казачьяго войска“.	Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 26 Ноября 1867 года.

2. Знаки отличія на головные уборы съ надписью „за Ловчу 22 августа 1877 года“.

II. Кизляро-Гребенскому полку.

Въ бывшемъ Кизлярскомъ полку, образовавшемся изъ Терскаго семейнаго и Терско-Кизлярскаго войскъ сохранились:

1. Знамя краснаго цвѣта съ разными украшеніями, кои за ветхостію разобрать трудно, и съ надписью: „Божіею милостію Царей и Великихъ Князей Іоанна „Алексіевича и Петра Алексіевича всея великія и ма„лыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ. Построено сіе зна„мя при Державѣ Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ „Великихъ Государей во имя Святыя Троицы и Благо„вѣрнаго Великаго Князя Всеволода по Святомъ креще„ніи Гавріила (Псковскій Чудотворецъ)“.

„И при бытности въ Псковскомъ Государствѣ ближ„няго окольнаго и воеводы и Намѣстника Нижегород„скаго Петра Матвѣевича Апраксина съ товарищи“.

„Отъ сотворенія міра 7201 года марта въ 1-й день“.

„Строилъ сіе знамя Стольникъ и Полковникъ „Иванъ Михайловичъ Кокошкинъ Псковскихъ стрѣль„цовъ перваго полку“.

2. Съ изображеніемъ Св. Архистратига Михаила, цвѣта краснаго.

3. Съ изображеніемъ Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія, цвѣта голубаго.

4. Цвѣта желтаго.

5. 6. 7. Цвѣта краснаго.

8. Какого цвѣта, за ветхостью, различить нельзя.

Болѣе подробнаго описанія этихъ знаменъ за совершенною ихъ ветхостію сдѣлать нельзя.

9. Насѣка деревянная, съ обоихъ концовъ окованная серебромъ.

10. Такая же насѣка меньшихъ размѣровъ.

11. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ золотою надписью: „за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ“, въ срединѣ его изображенъ гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензелевое изображеніе Имени Государя Императора Николая I. Древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ.

12. Знамя точно такое же, пожалованное Терскому

О пожалованіи всѣхъ этихъ знаменъ Терскому семейному казачьему войску послѣдовало Высочайшая грамота, 18 Іюня 1740 г., № 7695, данная на имя Наказнаго Атамана сего войска старшинамъ и казакамъ.

Высочайшая грамота состоялась 21 Сентя-

семейному казачьему войску, впослѣдствіи поступившему въ составъ Кизлярскаго полка.

На двухъ послѣднихъ знаменахъ Высочайше повелѣно прибавить надпись „за взятіе Анди и Дарго".

бря 1831 года.

Объявлено въ приказѣ по бывшему Кавказскому корпусу 30 Октября 1845 года № 140.

13. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта. По краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: „за военные подвиги противъ горцевъ". Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ, въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 Марта 1860 года.

Отъ бывшаго Гребенскаго полка сохранились:

1. 104 знамени и штандартовъ прежнихъ временъ, кои пришли въ такую ветхость, что нельзя узнать, какому времени они принадлежатъ; знамена и штандарты эти сложены въ ящики и хранятся при полку.

2. Два знамени изъ шелковой розовой матеріи, съ изображеніемъ, въ серединѣ, герба Новгородской губерніи, представляющаго золотое кресло, въ серебряномъ полѣ, съ красною подушкой, на которой поставлены крестообразно съ правой стороны скипетръ и съ лѣвой крестъ; на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами и по сторонамъ два стоящіе медвѣдя. При знаменахъ древка съ мѣдными копьями.

3. Знамя, въ серединѣ котораго изображенъ черный двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди его, разбросанными литерами, надпись: „за вѣрность"; остальныхъ вензелей на груди орла, по ветхости, разобрать нельзя. Древко съ мѣднымъ копьемъ.

4. Знамя изъ розовой шелковой матеріи; на четырехъ угольникахъ его по пушечному ядру; въ серединѣ черный двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и однимъ опущеннымъ крыломъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди орла, на бѣломъ конѣ, Св. Побѣдоносецъ Георгій, поражающій копьемъ дракона, а подъ нимъ изображены пять знаменъ, двѣ горящіе гранаты, киверъ Павловскаго полка и литеры: „П. I". Древко съ мѣднымъ копьемъ.

5. Знамя изъ зеленой шелковой матеріи; изображеніе въ серединѣ его, за ветхостію, вывалилось. Древко съ мѣднымъ копьемъ.

Кромѣ этихъ знаменъ, въ Гребенскомъ полку имѣются еще:

6. Серебрянный вызолоченный ковшъ съ надписью по сторонамъ:

„Божіею милостію мы Елизавета первая „Импе„ратрица и Самодержца Всероссійская и прочая, и про„чая, и прочая, пожаловала симъ ковшомъ войска Гре„бенскаго Атамана Лукьяна Борисова за его вѣрныя „службы 1748 года Января 1 дня".

2. Булава, на верхнемъ концѣ коей серебрянная, съ чернью, рукоятка, а на нижнемъ небольшой серебрянный наконечникъ. Она пожалована одному изъ войсковыхъ Атамановъ Гребенскаго казачьяго войска, за оказанныя военныя заслуги, какъ знакъ начальнической его власти. Съ этою булавкою выходили на войсковые круги войсковые Атаманы, для разбирательства и рѣщенія общихъ дѣлъ.

8. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ золотою надписью: „за Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ", въ срединѣ его гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензеля Императора Николая I. Древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ.

Высочайшая грамота на пожалованіе этого знамени состоялась 21 Сентября 1831 года.

9. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта. По краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ надпись: „за военные подвиги противъ горцевъ". Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ срединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

О пожалованіи этого знамени объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 Марта 1860 года.

10. Знаки отличія на папахи 1-й сотнѣ 1-й полусотнѣ Гребенскаго полка съ надписью: „за отличіе 24 Іюля 1854 года при Кюрукъ-Дара".

11. Знаки отличія на папахи 1-й сотнѣ 2-й полусотнѣ Гребенскаго полка съ надписью: „за отличіе въ дѣлѣ 30 Августа 1855 года при М. Пенякѣ".

1-му Кизляро-Гребенскому полку:

1. Георгіевскія серебрянныя трубы, пожалованныя 4 сотнѣ съ надписью: „за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года".

2. Знаки отличія на головные уборы съ надписью: „за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году" пожалованныя 2 и 3 сотнямъ.

3. Знаки отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ къ имѣющимся нынѣ надписямъ новыхъ объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877 году 1 полусотнѣ 1 сотни съ надписью: „за дѣло 24 іюля 1854 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году".

4. 2 полусотнѣ этой же сотни съ надписью: „за дѣло 30 августа 1855 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году".

5. Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою и надпись вокругъ штандарта: „за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ" и подъ орломъ „1577—1877".

2-му Кизляро-Гребенскому полку.

1. Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за взятіе Карса 6 ноября 1877 года".

2. Знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „за Турецкую войну 1877—1878 года".

3. Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою и надписью вокругъ штандарта: „за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ" и подъ орломъ „1577—1877".

3-му Кизляро-Гребенскому полку.

1. Знаки отличія на головные уборы съ надписью: „за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877", пожалованныя 4 сотнѣ.

2. Простой штандартъ съ Александровскою лентою съ надписью вокругъ штандарта: „за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и за взятіе Анди и Дарго въ 1845 году" и подъ орломъ „1577—1877".

III. Горско-Моздокскому полку:

Въ бывшемъ Горскомъ полку сохранились:

1. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ надписью: „за Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ". Въ срединѣ изображенъ гербъ Россійской Имперіи и на углахъ вензеля Императора Николая I; древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ кольцомъ.

Высочайшее повелѣніе о пожалованіи этого знамени состоялось 21 Сентября 1831 г.

2) Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи, голубаго цвѣта. По краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: „за военные подвиги противъ горцевъ". Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ срединѣ его крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

О пожалованіи этого знамени объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 Марта 1860 года.

3. Знаки отличія на папахи 1 сотнѣ Горскаго полка съ надписью: „за отличіе 24 іюля 1854 года при Кюрукъ-Дара".

Въ бывшемъ Моздокскомъ полку сохранились:

1. Знамя изъ голубой шелковой матеріи, съ изображеніемъ подъ короною, въ красномъ кругу, Св. Георгія Побѣдоносца, въ вѣнцѣ, на бѣломъ конѣ, побѣждающаго копьемъ дракона.

2) Пять знаменъ изъ зеленой шолковой матеріи, съ изображеніемъ, подъ короною, двуглаваго чернаго орла съ распущенными крыльями и съ бѣлою лентой, которую онъ держитъ съ лѣвой стороны въ клевѣ, съ надписью на оной: „никого не устрашусь“. Подъ правымъ крыломъ орла изображенъ корабль съ распущенными парусами, а подъ лѣвымъ горящій приморскій городъ. Въ углы знаменъ вшиты треугольники изъ бѣлой шелковой матеріи, на коихъ, подъ золотою короною, вензель, съ изображеніемъ Имени Императора Петра III.

3. Седьмое знамя было, какъ замѣтно, розовой матеріи, на обветшавшихъ остаткахъ коей видны слѣдующія изображенія: подъ короною двуглавый черный орелъ, съ распущенными крыльями; подъ орломъ, въ красномъ полѣ, всадникъ въ золотой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, съ поднятымъ надъ головою мечемъ; по лѣвую сторону его два синіе льва, бѣгущіе съ разинутою пастью. Подъ всадникомъ, въ голубомъ полѣ, золотой крестъ. Надъ всадникомъ фигура—вазообразной формы, подъ княжеской короной; по лѣвую сторону вазы изображенъ золотой лѣвъ, подъ лапами котораго находится топоръ поднятый къ верху. На оборотной сторонѣ изображено тоже самое, съ тою разницею, что, вмѣсто всадника, въ красномъ полѣ изображенъ одноглавый орелъ, съ золотою короной.

У всѣхъ этихъ семи знаменъ древка съ стальными четырехгранными, острыми кольями.

4. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ золотою надписью: „за Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1829 и 1828 годахъ“. Въ срединѣ знамени изображенъ гербъ Россійской Имперіи, и на углахъ вензеля Императора Николая I; древко съ мѣднымъ вызолоченымъ копьемъ.

Знамя это пожаловано въ 22 день Сентября 1830 г.; о чемъ объявлено въ приказѣ по отдѣльному Кавказскому корпусу, 20 Ноября того-же года № 165.

5. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта. По краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: „за военные подвиги противъ горцевъ“. Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ среди-

О пожалованіи этого знамени объявлено въ Высочайшемъ

нѣ его крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

приказъ 4-го Марта 1860 г.

6. Знаки отличія на папахи 1 сотнѣ 1 полусотнѣ Моздокскаго полка съ надписью: „за отличіе 24 Іюля 1854 года при Кюрукъ-Дара".

7. Знаки отличія на папахи 1 сотни 2 полусотнѣ Моздокскаго полка съ надписью: „за отличіе въ дѣлѣ 30 Августа 1855 года при М. Пенякѣ".

1-му Горско-Моздокскому полку.

1. Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ".

2-му Горско-Моздокскому полку.

1. Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 Октября 1877 года".

3-му Горско-Моздокскому полку.

1. 4 сотнѣ знаки отличія на головныя уборы съ надписью: „за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской Области въ 1877 году".

IV. Волгскому полку.

Въ бывшихъ 1 и 2 Волгскихъ полкахъ сохранились:

1. Знамя изъ шелковой матеріи зеленаго цвѣта; въ срединѣ его Государственный гербъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ „П. III"; при знамени двѣ золотыя кисти, а на верху древка желѣзное копье.

2. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною, съ изображеніемъ на красномъ полѣ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія на бѣломъ конѣ; при знамени георгіевскія ленты; на древкѣ желѣзное копье.

3. Знамя изъ шелковой матеріи палеваго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: „П. III"; при знамени двѣ золотыя кисти съ георгіевскими лентами, на древкѣ желѣзное копье.

4. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственнымъ гербомъ; съ обѣихъ сторонъ его на бѣломъ полѣ изображеніе Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія; на всѣхъ четырехъ углахъ лит. „ П. III"; древко съ двумя золотыми кистями и желѣзнымъ копьемъ.

5. Знамя изъ шелковой матеріи бѣлаго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: „П. III“; древко съ копьемъ, безъ кистей.

6. Знамя изъ шелковой матеріи оранжеваго цвѣта, съ Государственнымъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: „П. III“; древко съ желѣзнымъ копьемъ.

7. Знамя изъ шелковой матеріи оранжеваго цвѣта, съ Государственнымъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: „П. III“; древко съ георгіевскою лентою.

8. Знамя изъ шелковой матеріи оранжеваго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ надписью въ срединѣ: „никого не устрашусь“ и съ литерами на углахъ: „П. III“; древко съ копьемъ, безъ кистей.

9. Два знамени изъ шелковой матеріи палеваго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ литерами на углахъ: „П. III“; древка съ копьями безъ кистей.

По ветхости знаменъ надписей въ срединѣ не замѣтно; но можно думать, что онѣ были такія же, какъ и на предъидущемъ знамени.

10. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ изображеніемъ Св. Георгія, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: „П. III“, съ древкомъ и копьемъ безъ кистей.

11. Два знамени изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною; древка съ копьями.

12. Знамя изъ шелковой матеріи зеленаго цвѣта, съ надписью съ обѣихъ сторонъ: „никого не устрашусь“, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: „П. III.“; древко съ желѣзнымъ копьемъ, безъ кистей.

13. Два знамени изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною на древкахъ съ желѣзными копьями, безъ кистей.

14. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною короною и съ изображеніемъ въ срединѣ ключей и креста, безъ литеръ; древко съ копьемъ безъ кистей.

15. Двѣ мѣдныя 2-хъ фунтовыя пушки, съ выбитою надписью: „казакамъ Волгскаго войска за вѣрныя ихъ службы“.

Пожалованы въ 10 д. Іюня 1738 г. Императ. Анною Іоанновною.

16. Грамота Императрицы Анны Іоанновны на разныя привиллегіи Волгскому войску съ Государственною печатью, въ серебряной золоченой рамкѣ, прикрѣпленной золотымъ шнуромъ съ кистями. — Пожалована въ 1834 году.

17. Деревянная насѣка, съ серебряною оправою, пожалована Атаману Дикому, съ надписью „сія насѣка Волгскаго войска войсковая—году 1776“; а вверху буква: „Е. II“. — Пожалована Императрицею Екатериною.

18. Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ надписью: „за отличіе въ Турецкую войну и дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ“. — Высочайшая грамота о пожалованіи знамени состоялась въ 31 день Сентября 1831 года.

19. Знамя голубаго цвѣта, на древкѣ, съ надписью: „за отлично-усердную службу“, Высочайше пожалованное Волгскому казачьему полку. — О пожалованіи этого знамени состоялась Высочайшая грамота 25 Іюня 1851 г.

20. Два георгіевскихъ знамени пожалованныя 1 и 2-му Волгскимъ полкамъ, съ надписью: „за отличіе при покореніи восточнаго и западнаго Кавказа“. — О пожалованіи этихъ знаменъ объявлено въ Высочайшемъ приказѣ, состоявшемся въ 20 день Іюля 1865 года.

21. Знаки отличія на папахи первымъ сотнямъ 1 и 2 Волгскихъ полковъ съ надписью: „за отличіе въ дѣлѣ 30 Августа 1855 года при М. Пенякѣ“.

1-му Волгскому полку.

1. Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го Октября 1877 года“.

2. 2, 3 и 4 сотнямъ знаки отличія на головные уборы съ надписью „за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ“.

3. 1 сотнѣ знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣющейся нынѣ надписи новой „за отличіе 30 Августа 1855 года и за Турецкую войну 1876—1878 годовъ“.

2-му Волгскому полку.

1. 1 и 4 сотнямъ георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 Октября 1877 года“.

2. 2 и 3 сотнямъ георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за взятіе Карса 6 ноября 1877 года“.

3. 2, 3 и 4 сотнямъ знаки отличія на головныя уборы, съ надписью: „за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ“.

4. 1 сотнѣ знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣющейся нынѣ надписи новой: „за отличіе въ 1855 году и Турецкую войну 1877—1878 годовъ“.

V. Владикавказскому полку.

Въ бывшихъ 1 и 2 Владикавказскихъ полковъ сохранились:

1. Знамя Всемилостивѣйше пожалованное за 20 лѣтнюю усердную службу.

Высочайшее повелѣніе на пожалованіе этого знамени, состоялось 25-го Іюня 1851 года.

2. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта; въ срединѣ оранжевый кругъ, обведенный лавровымъ вѣнкомъ съ короною; въ кругѣ съ одной стороны крестъ, а съ другой двуглавый орелъ, въ срединѣ коего изображеніе Св. Георгія. На углахъ вензеля Императора Александра II, обведенные лавровымъ вѣнкомъ съ короною. По краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ, надпись: „за военные подвиги противъ горцевъ“. Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ срединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.

Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 Марта 1860 года.

3. Всемилостивѣйше пожаловано простое знамя.

Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 19 Февраля 1868 года.

4. Знаки отличія на папахи 1 сотни первой полусотнѣ бывшаго 1 Владикавказскаго полка съ надписью: „за отличіе въ дѣлѣ 30-го Августа 1855 года при М. Пенякѣ.

1-му Владикавказскому полку.

1. Знаки отличія на головные уборы, пожалованные 1 полусотнѣ 1 сотни съ надписью: „за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ“ съ сохраненіемъ прежней надписи: „за отличіе въ 1855 году“.

2-му Владикавказскому полку.

1. Георгіевскій штандартъ съ надписью: „за дѣло 6 Іюля 1877 года“.

2. Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за взятіе Карса 6 ноября 1877 года“.

VI. Сунженскому полку.

Въ бывшихъ 1 и 2 Сунженскихъ полкахъ сохранились:

1. Знамя съ надписью: „за отличные подвиги при покоренiи Малой Чечни въ 1849 году“. — Пожаловано 10 Января 1850 г.; о чемъ объявлено въ приказѣ по отдѣльному Кавказскому корпусу 13-го Марта 1850 года, № 40.

2. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта. По краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ надпись: „за военные подвиги противъ горцевъ“. Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ гергіевскимъ въ срединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ. — Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ, состоявшемся 4 Марта 1860 года.

3. Георгіевское знамя точно такое же.

4. Знаки отличія на папахи 1-й сотни 1 полусотнѣ бывшаго 1 Сунженскаго полка съ надписью: „за отличіе въ дѣлѣ 30 Августа 1855 года при М. Пенякѣ“.

1-му Сунженскому полку.

1. Георгіевскіе серебряныя трубы, пожалованныя 1 сотнѣ съ надписью: „за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года“.

2. Знаки отличія на головные уборы, пожалованные 2 полусотнѣ, 2, 3 и 4 сотнямъ съ надписью: „за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской Области въ 1877 году“.

3. Знаки отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ къ имѣющимся нынѣ надписямъ новыхъ, объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877 году, пожалованныя 1 полусотнѣ 1 сотни съ надписью: „за дѣло 30 Августа 1855 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской Области въ 1877 году“.

2-му Сунженскому полку.

1. Серебряныя трубы съ надписью: „за дѣло 9 Іюня 1877 года“.

2. Знаки отличія на головные уборы съ надписью: „за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 Октября 1877 года“.

3-му Сунженскому полку.

1. Знаки отличія на головные уборы, пожалованные 1 сотнѣ съ надписью: „за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской Области въ 1877 году“.

VII. Конно-артиллерійскимъ казачьимъ батареямъ.

а) 1-й батареи:

1. Знаки отличія на папахахъ съ надписью: „за отличіе“, пожалованныя за Персидскую и Турецкую войну въ 1827—1829 годахъ № 5 артиллерійской ротѣ, состоявшей при казачьихъ полкахъ.

2. Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1868 году георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: „за Кавказскую войну“.

3. Къ надписи на георгіевскихъ серебряныхъ трубахъ „за Кавказскую войну“, добавлена новая надпись: „за взятіе Карса 6 Ноября 1877 года“.

4. Петлицы за военное отличіе на Штабъ и Оберъ-офицерскіе бешметы.

б) 2-й батареи:

1. Знаки отличія на папахахъ съ надписью: „за Кавказскую войну“.

2. Георгіевскія серебряныя трубы Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1868 году съ надписью: „за Кавказскую войну“.

3 Знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣющимся нынѣ надписямъ новыхъ, объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877 году: „за Кавказскую войну и умиротвореніе горскихъ племенъ Терской Области въ 1877 году“.

Считаемъ не безъинтереснымъ привести при настоящемъ изданіи свѣдѣнія о числѣ казаковъ, пожалованныхъ георгіевскими крестами, а также убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ какъ на боевомъ полѣ, такъ и при станицахъ за тревожное время покоренія Кавказа и въ минувшую войну съ Турціей. Цифры за первый періодъ добыты изъ архивныхъ дѣлъ и народной памяти въ каждой станицѣ; о потеряхъ же 1877—78 г. свѣдѣнія доставлены полками, принимавшими участіе въ войнѣ, по особому требованію Наказнаго Атамана.

Полковые округа.	Георгіевскихъ кавалеровъ.		Убито.				Ранено.		Взято въ плѣнъ.	
			За прежнее время.		Во время войны 1877-78 г. мужчинъ.		За прежнее время.		За прежнее время до 1877 г.	
	Было до 1877 г.	Пожалов. въ минувшую войну	Мужчинъ.	Женщинъ.	Убито	Умерл. отъ ран. и бол.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Кизляро-Гребенской	766	139	372	17	21	175	389	1	187	71
Горско-Моздокскій	680	216	418	7	14	307	290	3	94	30
Волгскій	224	241	278	44	13	195	270	58	48	260
Владикавказскій	234	373	287	16	38	81	100	—	51	30
Сунженскій	358	205	249	1	15	87	224	3	40	22
Итого	2262	1174	1804	85	101	845	1273	65	420	413

Примѣчаніе 1-е: Прежнимъ періодомъ до 1877 года надо считать истекшее предъ тѣмъ съ 1820 годовъ полстолѣтіе, о которомъ свѣжа еще память живущихъ поколѣній и сохранились данныя въ станичныхъ архивахъ, много разъ погоравшихъ и уничтожавшихся военными тревогами, наводненіями въ низовыхъ мѣстахъ и переселеніями.

Примѣчаніе 2-е: Число георгіевскихъ кавалеровъ въ гвардейскомъ эскадронѣ и двухъ конно-артиллерійскихъ батареяхъ, а также убыль въ нихъ за время войны, распредѣлены по полковымъ округамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рѣчь, сказанная Наказнымъ Атаманомъ, Генералъ-Адъютантомъ Свистуновымъ, въ день празднованія 300-лѣтняго юбилея Терскаго казачьяго войска.

Трехсотлѣтіе Терскаго казачьяго войска.

1. Вступленіе.
2. Очеркъ трехвѣковой жизни Терскихъ казаковъ.
3. Очеркъ современнаго юбилею положенія войска.

Приложенія:

1. Вѣдомость знаменамъ и прочимъ знакамъ отличій, имѣющимся въ Терскомъ казачьемъ войскѣ и въ составляющихъ его частяхъ прежняго и современнаго наименованія.
2. Свѣдѣнія о числѣ георгіевскихъ кавалеровъ и военныхъ потеряхъ войска.

Замѣченныя опечатки:

			Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Въ эпиграфѣ	строка	3	duca vate	guia vate
Стран. 15	строка	6 сн.	Тереку	Терку
— 18	—	11 св.	норода	города
— 24	—	9 сн.	состоящей	состоявшей
— 29	—	4 св.	Александровское	Александрійское
— 35	—	6 сн.	многоначатія	многоначалія
— 36	—	12 —	составляло	составило
— 37	—	4 св.	второстепеннымъ	первостепеннымъ

Въ заглавіи III главы (стр. 40) по ошибкѣ перестановлены слова и вмѣсто „современнаго юбилею положенія“, напечатано: „современнаго положенія юбилею“.